

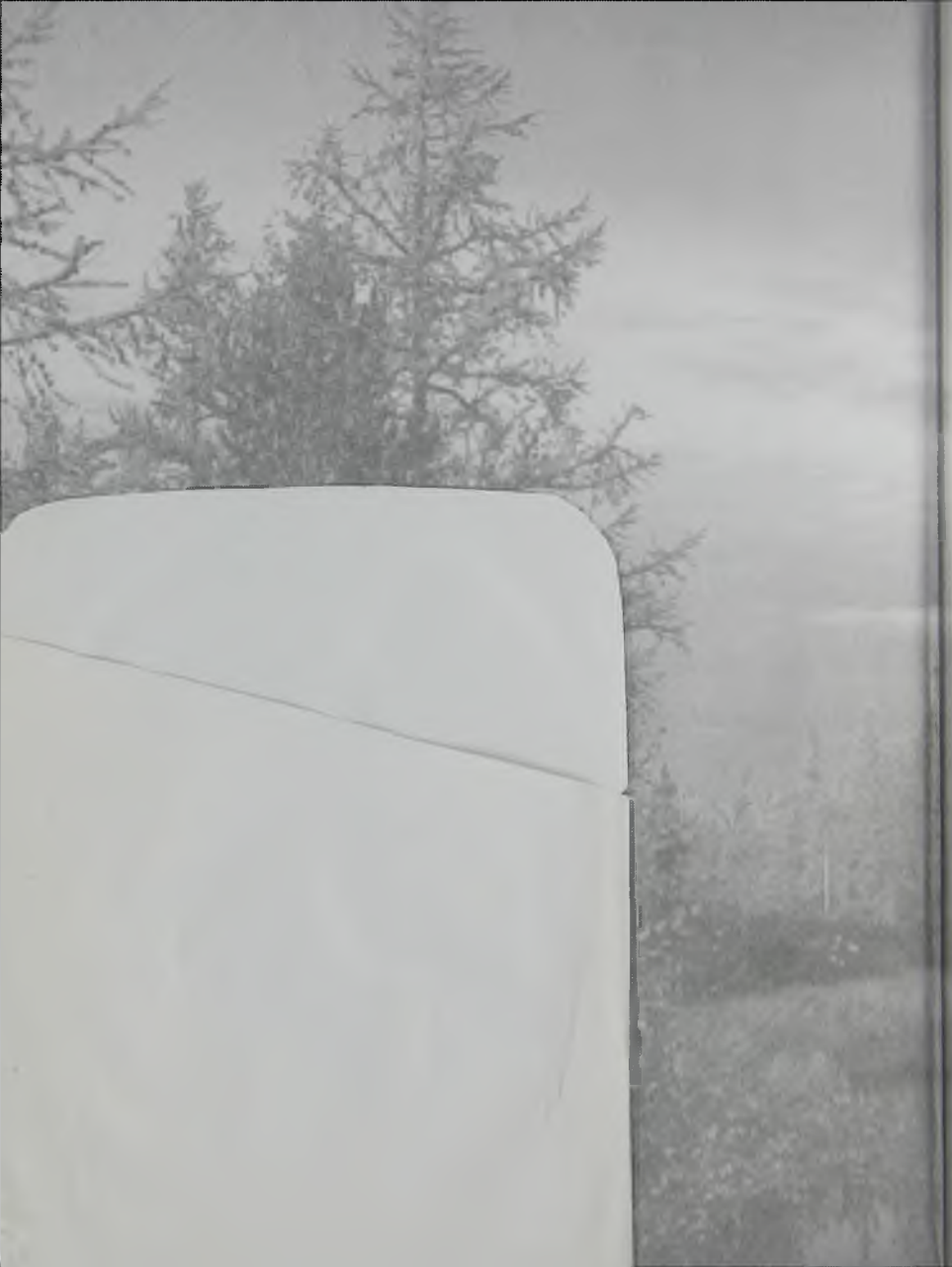
84(2Рос=Рус)6

В 67

Владимир Волковец

Весенний день осени

стихи из прошлых и будущих книг

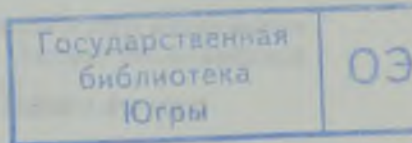

Литературно-художественная библиотека
об автора

Владимир Волковец

Волковец
24.10.08г

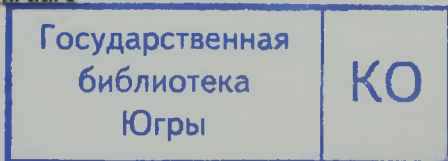
Весенний день осени

-0106068-

Рекламно-издательская фирма «КоЛеСо»
Тюмень — Ханты-Мансийск

2008

ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В67

Волковец Владимир Михайлович

В67 Весенний день осени: Сборник стихотворений / В.М. Волковец.
— Тюмень — Ханты-Мансийск: ООО «Рекламно-издательская
фирма «КоЛеСо», 2008 г. — 328 с.

ISBN 978-5-903644-07-0

Автор книги давно известен своими яркими, необычными стихами не только в Югре, но и далеко за пределами автономного округа. Живая связь с родной землей, с ее природой, со своим народом, с его судьбой и жизнью — вот где черпает поэт и вдохновение, и силы, и чувства, и мысли.

В сборник, изданный к юбилею автора, вошли стихи разных лет из прошлых и будущих книг.

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Издано при финансовой поддержке
Департамента информационной политики
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

ISBN 978-5-903644-07-0

© В.М. Волковец. 2008
© ООО «Рекламно-издательская фирма «КоЛеСо». 2008

Владимир Волковец родился 22 февраля 1953 г. в п. Чур Удмуртской АССР. Окончил Шарьинский совхоз-техникум в Котломской области в 1972 году и Литературный институт им. А.М. Горького в 1986 г. Стихи публиковались в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах «Мир Севера», «Наш современник», «Странник», «Урал», «Югра» и многих других.

Автор сборников стихов «Сосновый дом» 1982 г., «Отцовский лес» 1986 г., «День начинается с ветра» 1991 г., «Встретимся в августе» 1994 г., «Солнце на подоконнике» 1998 г., «Осень на Севере» 1998 г., стихов и прозы «Окрыленный бездорожьем» 2001 г., «Одно-единственное» 2005 г. Член Союза писателей России с 1988 г.

Лауреат премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа в области литературы в 2004 г. Лауреат Всероссийской премии им. Д.С. Мамина-Сибиряка 2007 г.

Югра

Исконно добра и щедра,
И в помыслах искренна,
То хвойно-спокойна Югра,
То истово-лиственна.

Болотно-озерная ширь,
Медвежьи урочища...
В семье твоей дружной, Сибирь,
Нет радостней дочери.

Врастая корнями судьбы
В глубинное, кровное,
Раскинулось древо Оби —
Твое родословное.

Поезд на Север

* * *

Хрустим ржаною корочкой дороги.
В мужалых, басовитых голосах
Пробилась рассудительная строгость,
Как проволока в молодых усах.

Познали мы невзгоды и морозы...
И на руках, что цепки и грубы,
Железными заклепками мозоли
Удерживают линию судьбы.

★ ★ ★

Весна за воротами цеха.
И в сборочном цехе — весна.
Сливается с криком и смехом
Под крышей кран-балок возня.

Вороны чумазой бригадой
Галдят под лучами весны.
И сварочной птице крылатой
Просторные стены тесны.

* * *

Заблестела земля в гараже
Повидавшею виды фуфайкой.
Из дырявых сугробов уже
Появляются первые гайки.

По-иному стальные ключи
Зазвенели в карманах спецовки.
И пошли по дорогам ручьи,
И на крышах сосульки отсохли.

И, шагая в литых сапогах
С молодой бригадой по лужам,
Я впервые почувствовал, как
Этот мир растревоженный нужен.

С воробьями на арке ворот,
С вдохновенной ремонтной вознею,
С лесовозом, поднявшим капот,
Словно парус над яркой водою,

С топольком, что под солнечный гул,
Не скрывая восторженной боли,
Перед нами листву развернул,
Еще новенькую, в солидоле.

* * *

Широко идет весна.
Слазит снег с обочин.
Разжимается клешня
Тополиной почки.
И на крыше цеховой,
Как на парне крепком,
Вместо шапки снеговой
Серенькая кепка.

В дороге

Ствол березы, как просвет
В темной гуще бора.
Светел ландышей букет,
Собранный шофером.

Бесшабашно и легко
Мчит по лужам «газик».
И дорожное стекло
В конопушках грязи.

На дождливую весну
Сетуя порядком,
Все ж букету своему
Затаенно рад он.

Да и чувствуя к тому ж
Всех домашних «ахи»,
Так летит, что вспышки луж,
Словно птичьи взмахи.

Коровы

Чьи-то шальные коровы
Зашли в лесовозный гараж,
Вонзая спокойно и ровно
Копыта в дорожную грязь.

Машины сурово гудели,
Из лесу спеша на обед.
А те бестолково глядели
И грустно мычали в ответ.

Запахло ржаною деревней,
Суглинком холмистых полей...
И каждый подумал, наверно,
О юности сельской своей.

Молчала бригада, сидела.
И слышалось явно тогда:
В широком распадке шумела,
Как хлебное поле, тайга.

* * *

«Все, шабаш», —
Приедешь вечером,
Вылешь грязь из сапога. —
«Жизнь пройдет
И вспомнить нечего:
Все болота да тайга».

Соберешься и уедешь
В среднерусские края.
Напишу письмо.
Ответишь,
Легкой боли не тая:

«Все нормально.
И погода,
И работа, и деньга.
Только часто снятся что-то
Все болота да тайга».

* * *

Чубом из-под кепки
Пыль из-под колес.
По таежной ветке
Катит лесовоз.

Оглянусь в оконце —
С рытвинами в такт
Утреннее солнце
Пляшет на хлыстах.

* * *

В муку размолота
Морозная дорога.
Пешком по холоду —
Ненужная морока.

Автобус фарами
Скользнет по комбинату.
Рассадит парами
Ремонтную бригаду.

На мягкой скорости
Под вздохи ветровые
Притихнут горести
И радости дневные.

И думай нехотя
Под гул бесед и смеха,
Что так и ехал бы,
И ехал бы, и ехал...

* * *

Вчера рассчитался с работой.
Сегодня пришел под хмельком.
С начальником спорил до пота
Об этом, о том — ни о чем.

И ждал, что начальник суровый,
Расшатанным стулом скрипя,
Вдруг скажет, разгладив межбровье:
«Уйдешь — пропадем без тебя!»

Да если бы в жизни мазутной,
И черт с ним, с окладом большим,
Почувствовать сердцем: кому-то
Ты нужен, ты необходим...

И тут подкатила тупая
Обида горчащим комком.
Он вышел, смущенно ступая.
И слезы смахнул за углом.

* * *

Как силовые
Магнитные линии
Следы разворотов машин.
Дожди подступили
Осенние, длинные.
Что ж делать рабочим моим?

В диспетчерской тесно
И будто натоплено.
Пропахла насквозь табаком.
Автобус присел
И буксует в колдобине —
Домой доберутся пешком.

И дома — не в духе,
Поссорятся с женами,
Угрюмо и трудно заснут.
Приснись им зима,
Где машины груженные
По трассе звянящей идут.

Воробьи

Щели инеем забились.
Воздух чист и недвижим.
На дорогах проявились
Серебром следы машин.

Чаще жмемся на работе
К теплобоким тракторам.
И ночуют под капотом
Воробьи.
А по утрам

Рассыпаются по аркам.
И галдят наперебой
На свету электросварки,
Как на солнышке весной.

- 0106068 -

Государственная
библиотека
Югры

03

Государственная
библиотека
Югры

КО

Шофер

Задубели ветра. Холодина.
Дома печка красней кирпича.
Забуксует в дороге машина,
Под колеса — фуфайка с плеча.
А когда и фуфайка не в помощь,
И простужено глохнет мотор,
Остается — в сугробы по пояс
И сушняк вырубать на костер.
И лицо шелушится коростой,
И поземка змеится в кустах,
И слеза от мороза и злости
Выступает в припухших глазах.
Заночуешь в метельном раздолье
До случайных попутных машин.
Есть подумать о чем. И тем боле,
Что не часто один на один
Оставался в полночь глубоко,
Проклиная глухую пургу,
Перед памятью, перед дорогой,
Прочертившей однажды судьбу.

Дрова

Сосна, ольха, береза, елка...
Трещит огонь. Горчит дымок.
И только изредка отщелкнет
Рубином жаркий уголек.

Возьму еловое полено.
Крепко и жилисто на вид.
Летучим пламенем мгновенно
Зальет, но долго ель горит.
Всегда казалась не простою
Судьба угрюмая ее.
Росла, под хвойной тишиною
Растила кучи муравьев.
Кормила птиц, скрывала зверя,
И в дружной тесноте подруг
Однажды выбежав на берег,
Хранила лес от зимних выюг.
Жила, и было не до песен
В суровой жизни, потому
Горит, и, словно охнет, треснет,
И брызнет искрами во тьму.
Подброшу в меркнувшие угли
Кривые чурочки ольхи,
Чтоб отогреть сырые руки
И разогреть котел ухи.

Ольха родилась на болотце
В ораве хрупких горемык.
Счастливо ежила на солнце
Листву на веточках рябых.
И может, горько сознавая
Свой неуют и непочет,
Так горячо она пылает,
Так горестно и горячо.

Березы белое полено
С колечком серой бересты.
И в памяти встают степенны,
Встают прохладны и чисты
Леса березового лета
В краю, какого нет родней.
Береза как источник света
В таежной памяти моей...
Горит, а кажется — кипучей
Листвой бушует на ветру...

Сгребу рубины тесной кучей,
Чтоб сохранил костер жару.
Потянет с ближнего болота
Туманный холод по земле.
Уходит время перелета.
И надо думать о зиме.
Но ни тоска, ни ветер колкий
Мне не страшны,
Пока со мной
Сосна, ольха, береза, елка...
Деревья с разною судьбой.

Начало

Слово к делу подошью,
Выгляну из дома —
В каждой туче по дождю,
По раскату грома.

По сороке во дворе,
В окнах — по невесте.
В этой чертовой дыре
Пропаду в безвестье.

Я сюда не по суду
И отсюда — тоже
Собираться по судьбу
Гонит бездорожье.

Мороз

Стылая дорога.
Ватные леса.
Утренний поселок.
Солнце из-за стога
Словно из яйца
Розовый цыпленок.

Гулкий и веселый
Шествует мороз
По таежной шири.
Прокатил тяжелый
Поезд через мост —
Гром по всей Сибири!

* * *

Рассеянно сыплет
Закат розоватый
Снежинки на липы,
На вербы из ваты.

На солнце сверкая,
Звенят серебристо.
Ловлю их руками —
Холодные искры.

Ложатся узором,
И тают, и тают,
Как мысли, которым
Тепла не хватает.

Частушка

Вспорол болото нож бульдозера,
Задел осинник второпях.
А через год засохло озеро,
Где мы сражались на плотах,
На льдинах — самые отважные —
Угрозам старших вопреки...
Глядят со дна осклизло ржавые
Кастрюли, доски, сапоги...
Неширока пустая ямина
Без гама уток и гусей.
Лишь тетка, что однажды пьяная
Едва не утонула в ней,
Благодарит мелиораторов
Скандальным жителям назло.
И душу бражкой порадовав,
Кричит-поет на все село:
-Ой, была я хороша
Да полюбила алкаша.
Поделился опытом —
Пропади все пропадом!

Полночь

В ажурной клетке башенного крана
Ночует совоокая луна.
Внезапно отстрекочет пилорама,
И станет нестерпимой тишина.

И полночь бестелесно и бессильно
Падет наплывом сырости и мглы.
И только вскинет сварочные крылья,
Не в силах оторваться от земли.

* * *

Суховатая, вязкая стужа.
И размашистый ветер весом.
Под широкой подошвою лужа
Звучно хрупнет капустным листом.
Лесовоз, под вязанкою сосен
Приседая, давнет на басы
И окатит пахучим морозом
Так, что иней облепит усы.
Гул машин, горечь дыма и пота,
Горьковатый, прокуренный смех...
Но притихнет в ремонтном работа,
Как повалит неслыханный снег.
Тяжело, светоносно и зыбко.
И привыкнуть к нему не успев,
Мы столпимся в дверях без улыбки,
По-мальчишески оторопев.

* * *

Не повезло в любви.
Расстались.
С работой и людьми
Срастаюсь.
И легче на душе.
В ночную
Машины в гараже
Врачую.
Затягиваю болт
Упрямый.
И затихают боль
И память
О той, что я люблю,
Скрывая.
Но вспомню — и резьбу
Срываю.

Печка

Шелушась окалиной,
Остывает печка.
В нашем цехе каменном
Печка словно песня,
Что в сорокаградусном
Январе звучала.
И теплом, как радостью,
Слесарей встречала.

Согревала мерзлые,
Жгучие домкраты,
Рукавицы мокрые
И ключи. И завтра
Прибегу до смены
По морозу жгучему.
Наколю поленьев
Жилистых, пахучих.

Станет краснобокою
Жестяная бочка.
На морозном облаке
Вкатятся рабочие.

Шумные, присядут
На сухие чурки.
Из усов мохнатых
Выскребут сосульки.

В разговоре шубу
Распахнут свободней.
Ну, а там и душу
Распахнут охотней.
И пойдет сердечней
И живей беседа.
Печкой, словно песней
Русскою, согрета.

* * *

Март выплеснет тени из леса
За кромку дороги, лютей
Нам жалит ладони железо
Угластых ремонтных ключей.
Звучат в разговорах запчасти.
Иные — сломаешь язык.
И суть их названий, отчасти,
А может, совсем не постиг.
Не все понимаю толково.
И часто в пыли суеты
Полезу в карманы за словом,
А там гравера да болты.
Тягач загремит башмаками,
Посыплются гайки с небес...
И я ухожу за словами,
Как в энциклопедию, в лес.

Маневровый

Тревожной весна, ощутимей,
Стремительней эхо колес.
Парами оплавленный иней,
Ветрами обдутый откос.
Платформы, набитые лесом,
Вагоны с мукой и углем
Тасует по глянцевым рельсам,
Толкая то задом, то лбом
Железный дорожный трудяга.
Немного в его голове
Мудреных извилин, однако,
Ему их хватало вполне.
А тут поменял машиниста
И сам себя не узнает:
Бегут с нарастающим свистом
Составы и зависть берет.
Куда они?
Следом бы смело
За скорым рванул напрямик,
Но стрелочник, знающий дело,
Его переводит в тупик.
И нету безвыходней клетки,
Приказов — вперед и назад.

И нету надежды, что стрелки
Из жалости забарахлят,
Когда вдалеке затененном,
Где сходятся рельсы на нет,
Зовет-будоражит зеленым
Весны нарастающий свет.

* * *

Потянулись птицы к северу,
В озерные края.
Проявляется сквозь серую
Зеленая трава.

Проявляется забытая
Волнующая боль
Сквозь далекие события,
Не ставшие судьбой.

Мы теперь сквозь годы длинные,
Сквозь простор лесной
Только нитью журавлиною
Связаны с тобой.

* * *

С неба снег, а с крыши дождь.
А на вербах не поймешь:
То ли хлопья, то ли почки,
То ли капельные точки.

С мокрым снегом вперехлестку
Частый ливень припустил.
Снег, как липкую известку,
С озаренных окон смыл.

И сквозь трещину в окне
Потянуло вдруг рябиной,
Словно сквозь прищур любимой,
Острой грустью по весне.

• • •

Снег сошел. Сгребая в кучу
Прошлогоднюю листву.
Дым волнующе пахучий
Потянулся в синеву.

В дым закуталась ольшинка,
Словно в легкую фату.
А сережки, как пружинки,
Распрямились на ветру.

Не вошло в меня покуда
Настроение весны.
И весенние причуды
Как обманчивые сны.

Только зелени все больше.
И глазенки у сестры,
Как раскрывшиеся почки,
Любопытны и остры.

Капля

Суматоху ветвей
Умножала в полночь
Суматоха теней
И дождя средоточье.
Тьма шарахалась от
Ослепительных лезвий,
Как от ладана черт,
Как от пьяного трезвый.
Оглушительный блик!
И запомнилось ясно,
Как в короне из брызг
Капля света не гасла.

* * *

Спускается лес к моховому болотцу,
Захлопала под сапогами трава.
И жмутся деревья, уродец к уродцу,
И как ни спрямляем, дорога крива.

Дыра на дыре корневые подмости,
Под ними туманно сверкает родник.
Встаем на колени, сгибая березки,
И пьем до того, что немеет язык.

Наполним ведро серебристою влагой
Для свежего чая и скорой ухи.
И все это в сонме назойливо наглой,
Зудящей, звенящей, сосущей мошки.

Тяжелое солнце запуталось в кронах.
Коричневой мглой заполняется след...
Глаза закрываю, и пляшет в ладонях
Студеного неба осколочный свет.

* * *

В комариной дымкою повитом
Сосняке до радостного вскрика
Поразил меня хрустальным видом
Куст обманно-дерзкой голубики.

Трепетно рассыпанные звезды,
Зыбкие зеркальные осколки...
Невзначай споткнулись мои версты,
Замерли вчерашние восторги.

Находясь в плену житейских тягот,
Путаюсь в сравнениях и мыслях.
И не отвожу глаза от ягод,
От росы на мелковатых листьях.

Голубичный куст.
Отсеял дождик
И свисает каплями с иголок.
Жалко, не нашел тебя художник,
Что махнул рукою на поселок.

Я набрел случайно и не в силах
Обойти и затеряться в лете.
Словно отвернусь от бликов синих
И забуду, чем живу на свете.

Из солдатских писем

* * *

Как одуванчики, все одинаково
Светлоголовы призывники.
Уходим улицей от пыли матовой,
Собрав небрежные вещмешки.

Идем сквозь слезы родных и ближних
В свой самый первый солдатский путь.
Не с тополей, с затылков стриженных
Слетает легкий прощальный пух.

* * *

Мазками деревьев
Покрыты весенние сопки.
Все реже деревни,
Все чаще лесные поселки.

На поезде кружим
Меж сопок, ныряем в туннели.
Считаем, что служим,
Хотя как призвали — неделя.

Не зная подъемов,
Стремительно-злых и тревожных,
Мы спали как дома
В вагонах железнодорожных.

А письма девчонке
Слагал я по-воински кратко,
Копируя в чем-то
Давно отслужившего брата.

* * *

От дождя разбухли ставни,
Отсырело курево.
На размытом склоне камни
Выступили скулами.
Занавешены туманом
Сопки крутолобые.
Месяц жду письмо от мамы
Из таежной области.
Месяц крутит-каруселит
Чертова погода.
На плечах потяжелели
Первые погоны.

* * *

Как жалюзи, рота едино —
Направо! — и встанет ребром.
А я своего командира
Теперь вспоминаю добром.
До ночи устало гремели,
Шагали по плитам дорог.
От долгого марша гудели
Подошвы солдатских сапог.
А после отбоя не слышал,
Как ветер на окна дышал,
Как ливень по шиферной крыше
Решительно маршировал.

Я стану солидней и старше.
Но будет с годами нужней
Звучанье походного марша
В рабочей походке моей.

* * *

Казармы длинные полы
Надраены мастикой.
Теперь до утренней поры
Здесь будет тихо-тихо.
Лишь подоконники скребут
Деревья полусонно.
Но вдруг почудится — поют
Солдаты приглушенно.
Устав от маршей строевых
С закрытыми глазами
Поют, и, слушая, притих
Дождь за стеной казармы.
Плывет полуночный мотив
Волнующе знакомый,
И чувствую, глаза прикрыв,
Пахнуло отчим домом.
Но только разберу слова
И подпою как надо,
Отяжелеет голова
И я засну — в наряде!
А спать дневальному нельзя.
Нельзя и тут хоть тресни!
Пусть без меня пока друзья
Поют родные песни.

* * *

Весна распустила ручьи.
Как дети, ручьи зашумели.
И мы расстегнули крючки
На ворота строгой шинели.
Поласковел ветер, как брат,
Вернувшийся после разлуки.
И вспомнилось, что с декабря
Совсем не писала подруга.
А стрельбы в метельном дыму
Боями казались отчасти.
И я не писал потому,
И не вспоминал. И напрасно.
Осыплет весенним дождем
На склонах пушистые вербы.
Куда я поеду потом?
К тебе и поеду, наверно.

* * *

Мы лежали погон к погону.
Зеленела на сопках весна.
Без особой тоски по дому
Вспоминали родные места.

Проходили тяжелые тени
Облаков по траве. Всякий раз
Только я начинал о Тюмени,
Ты кивал головой: «Как у нас,

На Алтае, и речка, и сосны,
Половодье весны голубой».
И, наверно, без этого сходства
Мы б не стали друзьями с тобой.
А теперь между нами полгода.
И припомнив армейских друзей,
Понимаю, роднит не природа,
А роднит отношение к ней.

* * *

Засохли старые березы,
Обвисли кроны —
Ровнял обочины бульдозер,
Подрезал корни.
А над прохожими скрипели
С тех пор, сутулясь:
Однажды листья улетели
И не вернулись.

* * *

Что творится, обидно до жути!
Лес, разложенный по штабелям,
Раскатали угрюмые люди.
Затаилось зверье по углам.
И глядит настороженно дерзко,
Как стальной удавкой обвив,
Кран наклонится, полперелеска
В гулкий короб вагона сложив.
Все мне чудятся в дымке бесплотной
Привидения диких зверей,
Что могли бы оравой вольготной
Жить и жить в глухомани моей.
Вот опять, головами мотая,
За составом в клубах пылевых
Пропадает бездомная стая
Косолапых, сохатых, косых...

Южанин

Вернется от щедрой родни,
Рукою махнув на расспросы,
Багаж распакует: взгляни! —
Янтарно горят абрикосы.
А что среди наших болот? —
Грибы, голубика, морошка...
Он мягкую грушу берет,
Румяную, словно матрешка.
Он сливу посмотрит на свет
И дыню в руках приголубит.
На солнечном Севере нет
Того, что морозов не любит.
И вдруг затоскует узбек,
Вот-вот даст обратного ходу,
Кляня среди августа снег,
А в мае сырую погоду.
Но только раздарит плоды,
О южной родне призабудет.
Поедем часам к девяти
В рабочие заросли буден.
Спрошу в перекуре опять:
Не тянет в края винограда?
Смеется: чтоб там отдыхать,
Работать на Севере надо.

Фронтальная ложка

Полустерты края и узоры.
Как ни мой ее, как ни три,
Запах шей, неожиданно горьких,
Пробивается изнутри.

Ветеран пообедаёт, в кружку
Самодельного кваса плеснёт
И газетную самокрутку
Табакот папиросным набьёт.

И начнёт с хрипотой неловкой
О друзьях, о боях, о войне,
Как висела узорная ложка
Всю войну на потертом ремне.

Эту ложку, наверное, мама
Положила ему в вещмешок:
Знай, что горе и радость веками
Той же ложкой хлеблют, сынок.

Железо

По горбатым полям Дубосекова
Ходят были о прошлой войне.
Обойти бы окрестность, да некого
Попросить в провожатые мне.
Да и северный ветер немилостив.
И впечатаны в красный закат
Силуэты гранитных панфиловцев,
Что сказали: ни шагу назад.
Я вчера между клубней картофеля
Отыскал, разбирая ботву,
Тот осколок железа, которое
Беспощадно рвалось на Москву.
А за полем низину неторную
Одиноко просек наугад
И наткнулся на яблоню черную,
И открылся мне вымерзший сад.
На одном только деревце листьями
Ветвь шумела, на ветви одно
Зеленело боками росистыми,
А на вкус было терпким оно.

Загадать ли о чем на звезду мою? —
Безответна вечерняя высь,
То о жизни погибших подумаю,
То о смерти, рождающей жизнь.
Цвет заката, железа и окиси
Холодит и горчит на губах.
Даже яблоко, плод этой осени —
Заржавелый осколок в руках.

Сапер

С нервной улыбкой, калечащей рот,
Он по седьмому десятку идет.
Китель на вырост... об этом молчок.
И в сапоге осипевший сверчок.
Встанет под окна, шатает забор...
Под Сталинградом ошибся сапер.
Смерть оттолкнул и навек онемел...
Машет рукой, отрывает от дел.
Душу тиранит, зовет по грибы:
Нынче маслят хоть лопатой гребь.
Как отказать?
Между сосен и лип
Режем с ним рыжики на перешиб.
Вон под сосенки нырнул...
И каков!
Вынес масляток — сто пятаков.
Следом скорее.
Вынес назад
Восемь копеек — восемь маслят.
Сядем в тени и дымим в небеса.
Уши не видят, но слышат глаза,
Как муравейник под боком кишит,
Птица звенит и ольха шелестит.
Там, на уродливо страшной войне,
Не о такой ли мечтал тишине?

Инвалид

Приколачивает пыль
За дворовую площадкой.
На одной ноге — костыль,
На другой — сапог солдатский.
К новостройке тополя
Привезли, свалили кучей.
А на улицах — пора! —
Для весны не будет лучшей!
Ямки выкопал, потом
Деревца держа неловко,
Засыпает сапогом,
А костыль — его трамбовка.
Оглядел, как лейтенант,
Не без удовлетворенья,
Одноногих тополят
Майского подразделения.
И опять стучит костыль
И скрипит сапог солдатский.
Стыдно из своих квартир
Выйти некоторым штатским.

* * *

Схолодало. Ноябрь продул
Мешковатую хмурь облаков.
Заскользила поземка по льду
Невесомую стайкой мальков.

Стынет печь. И темнеет окно.
Неуютно в осенней судьбе.
И сливаются мысли в одно:
О тепле, о добре, о тебе.

* * *

Дом вздрагивал,
вполголоса
Печной трубою выл.
За два часа до поезда
Я двери приоткрыл.
Зима!
До детства самого
Бездомностью прожгло.
Теперь начать бы заново,
Что было да прошло,
И мучит болью жалости,
Отчаянья почти...
Но сколько беспощадности
В глазах твоих: иди!
Так много снега выпало,
Так хладнокровен свет,
Что просто нету выбора,
Куда вести свой след.

* * *

Скомкаю лист — невеселая проза.
Белая... алая... черная роза.
И в кулаке хрупкий пепел зажму.
Что пережил, не узнать никому.
Пепел развею...
И снова за нею,
Горькой любовью, бедою моею,
Света не видя, не слыша ночей,
Может, последнею в жизни моей.

Письмо

Третий день в дороге. Дождь.
Пусть ты писем и не ждешь,
На стекло вагонное подышу,
Между перегонами напишу,
Пальцем строчки выводя
По косым следам дождя.
И сойду на станции налегке.
А письмо останется на стекле.
И придет на третий день
С этим поездом в Тюмень.
Может, вдруг, так хочется, —
Ты прочтешь.
Может, вдруг по почерку
Ты поймешь
Боль мою в посланье этом.
Только все ж
Не помчишь за мною следом.
Слишком дорого тебе
Жить в покое и тепле.
Жить бесхлопотно,
Без тревог
В пыли комнатной
У трюмо.
Не любила и потому
Город в памяти потонул,
Словно в хмури ливневой.
Я уехал, все зачеркнул
Транссибирской линией.

Сварщик

Вот за отпуск
дел-то накопилось!
Сердце, екнув,
радостно забилося.
Значит, нужен,
если трактористы
Ждут на стуже,
жарко краснолицы.
Перекурит,
подойдет вразвалку,
Переключит
аппарат на сварку.
И взовьется,
озаряя лица,
К самым звездам
сварочная птица.
Трепет света
в рассеченном небе
Словно сердца
вдохновенный трепет.

Другу

За невеселыми письмами
Яснеет судьба твоя,
Как за осенними листьями
Корявый изгиб ствола.

Что-то слывешь неудачником
Вдали от родимых мест,
Как перебрался ударником
В шальной, городской оркестр.

В долгой разлуке с Севером
Подумываешь не раз
Снова устроиться слесарем
В наш беспокойный гараж,

Где в перекуры свободные,
Счастливый, под смех парней
Вызыванивал ты мелодии
На колоколах поршней.

Петропалыч

1

На улице холод.
Ветер снеговой.
А в кузнице молот
Топаёт ногой.

Из гулко́го жара
Огненный кузнец
С охалкою пара
Выбежал на снег.

Упру́го, с размаху
В гуде ветровом
Раздуло рубаху
Парусным крылом.

И руки расставил
Жаркий человек.
Летел он...
И втаивал
Сапогами в снег.

2

Поковку выхватив клещами,
Протянет шустро: прикури!
И грянет молот между нами
С рабочим воздухом внутри.

Торчит из рукавицы палец.
По бороде струится пот.
-Пора на свалку, Петропалыч, —
Сам о себе кузнец вздохнет.

Не тронет белая остуда
Души, просвеченной огнем,
Покуда опыт и причуда
Чертовски колобродят в нем.

Хрустят окаленные хлопья
Под весом силы озорной...
Но глянул вечер исподлобья
На дыма посвист искровой —

Пора! И что куда девалось?
Погас огонь и рыжий бог
Кляня внезапную усталость,
Тащил, зажав дверьми, сапог.

Поезд

Поезд — сонный старик,
Семьдесят которому.
В тупике стоит,
Уступая скорому.

Табаком попыхтит
И, скрипя суставами,
Неуклюже помчит
Между полустанками.

-Ох, не даст ревматизм
Дотянуть до пенсии, —
Слышу вечный мотив
Стариковской песни.

Сяду перед окном
И забыв, что еду,
Как с родным стариком
Затяну беседу.

Где гудком, где качком
Мне поддакнет поезд.
На вокзале большом
Медленно опомнюсь.

И ступая во тьму
Привокзальной полночи,
Словно руку, пожму
Заскорузлый поручень.

Одуванчики

В марте оттепели марки,
Яркодробней пересверк.
Брызгами электросварки
Глубоко засеян снег.
Как ветра ни крутолобы,
Сквозь железо и мазут,
Где сойдут на нет сугробы,
Одуванчики взойдут
Золотые, как ожоги,
Белые, как волдыри.
И прибавят нам тревоги
За разор и пустыри —
Ненасытную работу
Предприятий по Оби,
Превращающих природу
В тонны, метры и кубы.

* * *

Наш лесокмбинат,
Прижатый к перелеску,
Заполнил снегопад
С опилом вперемешку.
Дороги в полверсты
Хватает, чтобы чутко
И твердо обрести
Утраченное чувство
Ремонтной толкотни
И утреннего гула.
Я сам просил — верни.
И жизнь меня вернула
В привычную среду.
Под цеховые крыши
Я знал, что не войду,
Каким когда-то вышел.
И в суматохе дня
Однажды затоскую.
Окликнут не меня —
Я оглянусь впустую.

* * *

Толкнулись в осеннюю темь
Холодные всполохи сварки.
И сердце откликнулось тем,
Крылатым годам автопарка.
И бисерно чуть погода
До облачного покрывала
По нитям скупого дождя
Веселая дрожь пробежала.
Как радостен этот озноб!
Немного сердечных отдушин
Оставлено в памяти, чтоб
Не мог затеряться в грядущем.
Кромешная темень...
И вдруг,
Кривясь в голубом колыханье,
Деревья столпились вокруг,
Как тени друзей великаньи.

Сон на закате

Сиял светлоголовый сын
Над глушью огорода,
Губной гармошкой подносил
Ко рту стручки гороха.
А я забыл себя да так,
Что в дреме равновесья
Разъединил меня закат
С тем, без чего не весь я.
Душа терялась в той дали,
Где облака нависли.
Там были не нужны мои
Ни горести, ни мысли,
Ни суета, ни боль, ни злость...
В беспамятство ночное
Мое — навстречу мне неслось,
А от меня — чужое.
Летел куда-то сам не свой.
Смотрел, не слыша сына.
Он тряс меня, пока не свел
С сознанием воедино.
Осекся ветер.

Я вставал —
Давила мощь земная, —
Как я ничтожен, жалок, мал,
Смущенно понимая.
Так шутит только смерть сама,
Решив познать в сравненье
С потусторонним летом сна
Земное притяженье.

* * *

Молчаливо выдержишь
До потемок стылых,
Из кармана вычерпнешь
Пригоршню опилок.
Ватником размашисто
Хлопнешь о перила,
Чтобы выбить начисто
Дух древесной пыли.
В теплый гам автобуса
Втиснешься азартно —
Даль большого отпуска
Распахнется завтра.
От ее огромности
В толчее вокзальной
Холодок бездомности,
Суетность желаний:
По волнам на катере?
По музеям — в Питер?
Но сначала к матери.
Сколько лет не видел!
Сколько лет за строками:
Живы ли, здоровы?
Слышу одинокое:
-Плохо без коровы...

* * *

Слова, слова...
На что они,
Когда нас только двое,
А сумерки настояны
На комарином звоне.
А тишь в объятьях тополя
Разнежена, а звезды
Сочатся сквозь подобия
Тенет — пустые гнезда.
Состав пройдет по станции,
Не замедляя бега,
И на судьбу растянется
Мучительное эхо.

* * *

Не успеем, не осилим —
Дружно думали сперва,
До потемок не распилим
Суковатые дрова.
Но бензопилой зубастой
Брату править не впервой:
Выхлоп горечи вихрастой,
Золотых опилок рой.
Оглушительные кряжи
Складываю в стороне
И не удивляюсь даже,
Что они по силам мне.
От сосновых крошек ало.
И прозрачная луна
Красноватым срезом стала
Предпоследнего бревна.
И казалось больше сдюжим,
Завершая дело в срок.
Но едва пилу заглушим,
Тишина повалит с ног.

* * *

Туман стоял как на века
Средь сосен и берез,
Вчерашним духом табака
Пропитанный насквозь.
Идем в тайгу.
Пружинит дерн.
И вспоминаю сон,
В котором ты, и сын, и дом,
И солнце за окном.
Бензопилы тревожный визг
Деревья кинет в дрожь.
Качнется ствол
И сбросит вниз
Плащом дремотный дождь.
И встанет день,
Раскинув гул
И просеку разжав,
Где каждый пень,
Как солнце, кругл
И, как щека, шершав.
Сырой табак и мошкара,
И горькая кора.
Ревут надрывно трактора,
Горячие с утра...

И тишина.
Пружинит дерн.
Укачивает в сон,
В котором ты, и сын, и дом,
И солнце за окном.

В машине

Выплеск лужиц.
Льдистый хруп.
Март грозил распутицей.
Кутались в один тулуп
В кузове с попугайцей.

Намокал бараний мех
Над губами теплыми.
И слетал с деревьев снег
Кружевными хлопьями.

Можно было песни петь,
Веселеть от скорости,
Но не смог преодолеть
Приступ нежной робости.

Может, к лучшему.
Когда
Нас приезд обрадует,
Обжитая теплота
Распадется надвое.

* * *

Ночь леденеет в испуге.
Солнце вот-вот ослепит.
В ломкой блестящей кольчуге
Снег в огородах стоит.

Лед на дорогах неровен.
За ночь до голубизны
Наскоро отполирован
Для отраженья весны.

Но под снегами живая
Зреет вода, как подвох.
Значит, зима снеговая
Скоро уйдет из-под ног.

Плечи дремотного леса,
Выдержав длительный гнет,
И не почувствуют веса
Завтрашних листьев и гнезд.

* * *

Соломенную сушь
Срезал короткий дождик.
По серым слиткам луж,
Глава работ дорожных,
Бульдозер проходил.
И на отвале тяжком
Державно проносил
Пласты травы в ромашках.
И падал березняк,
Бульдозером теснимый,
Зажав в тугих корнях
Кусок земли родимой.
За нами в две плиты
Струился путь бетонный
Длиною в три версты,
В три пота просоленный.
Душа стонала от
Вины и речь немела,
Когда кричал: Вперед! —
Начальник то и дело.
Когда ж брели назад,
То видели устало,
Что вдоль пути лежат
Деревья как попало.

* * *

Двустволка за плечом
И патронташ на поясе.
Дорога над ручьем,
Туманный лес,
Ну что еще?
Мне б услышать зарю,
Как свет по травам стелется,
Да как по глухарю
Мне выстрелить осмелиться?
Пусть в предках у меня
Охотников не значит,ся,
И ты клянeshь меня,
Что все испорчу начисто.
Я все-таки смогу.
Я ни за что не выстою.
Как только боль сморгну.
Да ветку отогну,
Да муху отпугну,
Да паука смахну,
Смогу, смогу, смогу...
И все-таки не выстрелю.

* * *

Вошел как по ступеням:
Трава, подлесок, лес.
И в шелесте весеннем
Распахнуто исчез.

И превратился в шорох.
Ни памяти, ни бед,
Ни боли, без которых
Меня на свете нет.

И все, что мне хотелось
Сказать сегодня вам,
Уже скворцами пелось
По утренним ветвям.

И все, о чем смолчали
Вчерашние слова,
Сегодня точно знали
Роса, цветы, листва.

Когда б и вы могли бы
Прийти сюда сейчас,
То птицы, травы, липы
Нам объяснили б нас.

★ ★ ★

Как много во мне
Человечьих путей —
Запутанных судеб,
Которые совестью
Правят моей —
Тревожат и судят.

Которые мне
Нестерпимо носить
Под ветреной синью,
Которые нужно
Однажды решить
Единственной жизнью.

* * *

Корчевали таежные дебри.
Расплескав на пригорках щепу,
Чтоб росли беззаботнее дети,
Каждый строил большую избу.

Привыкали тревожно и трудно
К диковым лесным чудесам.
И вставало рабочее утро,
Доверяясь людским голосам.

Прилепились сараи да баньки.
И однажды просохшей весной
Огородами стали делянки
И покосом разлив за рекой.

Поднялась на отшибе картошка.
И запахла обеды сытней.
Вечерами резвилась гармошка,
Веселя неженатых парней.

Зачерствели дороги повсюду
С лужным прищуром в колее,
Отгорланили свадьбы... и люди
Прижились на таежной земле.

Случай

С работы вернулся хмельной.
Жена не пустила домой.

Куда же в такую погоду?
И снова пошел на работу.

Со сторожем ночь просидел.
Осунулся и постарел.

А утром собрался в дорогу.
Открыл. И жена у порога.

Усталая. Ночь не спала.
Искала его и ждала.

Застыли в неловком испуге.
И не узнавали друг друга.

Тишина

Рябиновый лист
Как рубчатый,
Суглинистый след колеса.
В колдобине трактор веснушчатый,
Заглохнув,
Пальнет в небеса.
И эхо с откоса огромного
В распадок уйдет кувырком.
И только береза надломлено
Качнет золотым рукавом.
И в сумраке,
Пахнущем инисто,
Услышишь,
Как с темного дна
Крылато и взрывчато вскинется,
Лицо опав, тишина.
И ты перед ней остановишься.
И крепнет тишайшая нить.
И трактор —
Такое чудовище,
Что страшно его разбудить.

* * *

Слоистой дымкой провода
Висят по хвойным выемкам.
Кружит речная немота
Листву утиным выводком.

Поселок дремлет на буграх.
А за подлеском ивовым
Густеет августовский мрак
И прорастает инеем.

Так зреют звезды в полумгле
И снегопадом светятся,
Которому лететь к земле
Еще три долгих месяца.

* * *

Сама бежала под колеса
Дорога.
А из-под колес
Взрывалась облаком мороза
И настигала лесовоз.

Бесилась,
Вьюгою металась,
Расплатой бредила вдогон.
Но утихала боль
И ярость.
И оглушал дорогу сон.

Ей снилось —
Тишина лесная,
В заглохшей колее цветы.
И человек стоит,
Не зная,
В какую сторону идти.

Сеновал

Залезу по лестнице шаткой
В дремотное, мятное, тминное...
Где матовой сорокаватткой
Гнездо над окошком осиное.
Залезу, беспамятно рухну
В колючее, хрусткое полымя,
И лето приблизится к слуху
Шмелями, стрекозами, пчелами.
Овеет ромашковым зноем,
Остудит водой родниковою,
Где галька со льдинчатым звоном
И месяц ржавеет подковою.
Парю над собой, отражаюсь
В рассыпанных лужах и омутах.
То ливнем лечу и снижаюсь
До ягод малины нетронутых,
То чуткую глубь предвечерья
Пронзаю пружинистой молнией...
Очнусь — за распахнутой дверью
Стоит снеговое безмолвие.

* * *

Раскатисты и пышны
Березовые дали.
И сварочные вспышки
Заметно полиняли.

Светлее и спокойней
Авторемонтный корпус.
Под снежною попоной
Спит старенький автобус.

Все лесовозы в рейсе:
Басят за дальним бором.
Бредет куда-то слесарь
С потухшим «Беломором».

Прикурит, на минутку
Притормозив у сварки,
От электрода, будто
От дружеской сигарки.

После

Два ведра из мокрой глуботы.
Ходит ворот хрипылыми кругами.
До порога выплески воды
Тянутся гусиными следами.
Натаскала в баню до светла.
Протопила тихо и любовно.
Солнечными брызгами смола
Облепила щелистые бревна.
Веники запарила...
И все ж
Не уйму сочувственной тревоги:
Разревешься и не донесешь,
Разбросаешь ведра по дороге...
Но блины субботние пекла,
Не спеша склонялась над корытом.
Неужели смерть не потрясла
Крепости налаженного быта?
Почему ж ты в баню не идешь?
Не смираясь с горестным
Молчаньем,
Все хлопочешь,
Все кого-то ждешь.
В пятый раз перекипает чайник.

Отец

Теперь не сказанное вслух
Понятней. Тем дороже
Мечта, которую твой внук
Осуществить не может.

На Украине брошен дом,
Деревья в гнездах грачъих.
Когда поехал, под окном
Не вытер слез ребячьих...

Тебя нам искренне понять
Недоставало силы.
Мы сердцем начали врать
В веселый лес России.

Глядел на нас, на мир окрест,
Грустил по Украине.
Мечтою — там,
Судьбою — здесь,
Душой — посередине.

★ ★ ★

После оттепели долгой
В середине февраля
Стужей солнечной и колкой
Расхвоило тополя.

День морозен и недолог.
В светлых думах о весне
Задремал лесной поселок
От дороги в стороне.

А дорога в синей стыни
Гонит «КрАЗы» грохоча,
И поселок в теплом дыме,
Как дыханье у плеча.

К матери

Наконец назло седым ненастьям
На большие праздники домой
Прилечу к отцу, сестре и братьям,
К матери — совсем уже седой.

За домашним искренним весельем
Поделюсь, шумливый и хмельной,
Дорогим и радостным — со всеми,
А печальным — с матерью одной.

И припомню с братьями я снова
Ягоды на просеке лесной,
Шалости ребячества бывшего...
А невзгоды — с матерью одной.

Но затихнет праздничное время
И прощусь с надежною родней.
Встреча для меня всегда со всеми,
А разлука — с матерью одной.

* * *

Засвистела поземка
Зернистым огнем,
Искривила закатные тени.
Покачнулись дымы
Над вечерним селом —
Волокнистые стебли растений.

И предчувствием близости
Яркой весны
Неожиданно сердце смутится,
Затревожится.
Выйду в распах белизны,
Чтоб волнением
С погодой слиться.

И опять неколеблема
Глубь февраля,
Сплав мороза и звездного эха.
Млечный путь
Отмечают в полях от села
До села
Телеграфные вехи.

Но с разбуженной памятью
Настороже
Замирая, стоит темное лесье.
И меж прошлым мгновеньем
И этим — уже
Не могу обрести равновесья.

* * *

Поземка снег на взлобье
Протерла до земли.
Свистел в никчемной злобе
Последний день зимы.
Сутроб могучим килем
Раздваивал метель...
Но золотой на синем
Поднялся вешний день:
Неровная гребенка
Сосулек вдоль окон.
Порывисто и громко
Ударил дробный звон.
От капель снег ячеист,
А ветер сыроват.
Запахли горячее
Сосновые дрова.
И давние пробелы
В тетради черновой
Я заполняю смело
Дождем, теплом, травой...

* * *

Покуда птичий гам
Листва не заглушила.
Сверкает по утрам
Лед свежего настила.

Он ломко-леденцов,
Пока ивняк над кручей
От холода пунцов,
А ельник туча тучей.

Но прошлогодний лист
Прокусывают травы,
Идут на страх и риск,
И нет на них управы.

Встает трава и мне
В работе беспросветной
Достаточно вполне
Уверенности этой.

Половодье

Копны плавают по небу.
Облака стоят в кустах.
Привязали к лодке вербу
И задумались впотьмах.

Ты вольна и несвободна,
То нежна, то зла со мной
Посредине половодья
Между небом и землей.

Я и сам еще не в силе
Рассудить весну свою:
Над бугром плыву я или
Над распадиной стою.

Вот уйдет вода большая,
Оползет по городье,
Беспощадно обнажая
Все подробности в судьбе.

И тогда увижу смело,
Что напутала весна,
Где обманывали мели,
Где страшила глубина.

А пока — в объятьях руки
До отчаянья тути,
По деревне ходят слухи,
По воде идут круги.

* * *

Что с тобой?
В захолустье ночном
Ты запутался мыслями:
То ли туча бушует дождем,
То ли дерево листьями,
То ли явно услышал вопрос,
То ли искренне выпутал
Из младенческой речи берез,
То ли сам его выдумал?
Все живое в ненастной судьбе
Так отчаянно связано,
Что ни скажешь,
Все будто тебе
Непогодой подсказано.
Завершает беседу рассвет,
Набиваясь в товарищи,
Что послушает все
И в ответ
Помолчит понимающе.

* * *

Отпечаток пальца — срез
Годовых колец древесных.
Подхватил меня экспресс и —
Поредел отцовский лес.
В толкотне вагонных верст,
На изломах дней усталых
Не припомню полустанок,
Где мальчишкою пророс.
Позабыл, откуда я,
Где товарищи по детству?
Помню — рос,
а по соседству —
Сосны, вербы, тополя...

* * *

В зеленой
Картофельной грядке,
Где куры изрыли межу,
Виновный
В мальчишеской драке,
От мамы скрываясь, лежу.
Лежу.
И на оклики мамы
Молчу.
К чернозему щека.
А клубни толкают в бока
Сердитыми кулаками.

★ ★ ★

Реже хвойный подшерсток,
Гуще травы и сплошь
Земляника с наперсток.
Разве мимо пройдешь!
Зачерпну и помчусь я
От соблазна пока
Светит сетка паучья
Лунным срезом клубка.
Не от детства,
за детством,
Отставая, бегу.
Небо вьется над лесом
И впадает в реку.

Откровенье

Когда во всем тебе призналась,
То, заглянув в глаза твои,
Она внезапно испугалась
Всей откровенности любви.

Боясь, что будет все иначе,
Подумал ты тогда о том,
Что так
Новорожденный плачет.
Смеяться учиться потом.

* * *

Как волнуется тополь!
Он и ждал и не ждал
Нарастающий топот
Проливного дождя.
Сплелся, слился ветвями
С благодатной водой,
Словно спрятался в мамин
Шелестящий подол.

Художник

Листвой июнь заволокло.
Напористо гудя,
В ручьи сплеталось волокно
Наклонного дождя.

Звенел, невидимый впотьмах,
Разбуженный комар.
Разбух и защебил в щелях
Крапиву тротуар.

И червь из-под его досок
По крапинам песка
Вытягивался, как сосок
Весеннего ростка.

Слепая жажда рисовать
Приковывала взгляд:
Закат и листья, и опять
За листьями закат.

И нить стеклянного дождя,
И сосен вертикаль...
Во всем счастливо находя
Основу и деталь.

Эскиз: разбег карандаша,
Нечаянность пятна —
И обозначена душа
Большого полотна.

* * *

Шофер остановится резко.
Задремлет усталый мотор.
И мягко касаясь подлеска,
Шагнем в удивительный бор,
Где пахнет по-летнему крепко
Нагретой листвою и мхом.
Большую пудовую кепку
Хороших грибов наберем.
Он, разговорясь постепенно,
Расскажет —
окурок в зубах —
О мальчишке послевоенном,
Что вырос на этих грибах.
Расскажет тепло и толково,
Как в нищие годы страны
Грибы собирал и готовил,
И не надоели они.
Потом улыбнется неровно
Своим невеселым словам
И шляпу грибную невольно
Разломит, как хлеб,
пополам.

* * *

Листья у лица —
Бабочки у света.
Помнил до конца,
Что не вечно лето.

Помнил, а когда
Пронеслось, не понял.
Шлепаньем дождя
Серый день наполнен.

Верилось всегда:
Не покинешь эти
Хвойные места
Северного лета.

В роскоши травы
Заплелись надолго
Крылышки твои —
Легонькие локти.

Загляжусь в окно
В красноватых росах.
Выступит лицо
Тускло, как набросок.

Потянусь к нему.
И увижу ясно,
То прилип к окну
Лист осины красной.

* * *

Уйдет злополучный двойник,
Когда от бессонницы зримее
Щетина кроткого инея
Проступит на скулах твоих.

Когда убедится сполна,
Что ты не пойдешь на попятную,
И зеркало — дымкой прохладною
Затянет сквозняк от окна.

Ты сам себе проговоришь,
Простонешь упрямое: выдержу.
И перед рассветом навтыяжку
Застынет сосновая тишь.

И первое, что забывать
Не надо в отчаянье жаящем:
Звоня благодушным товарищам,
Ее телефон не набрать.

Да, ведая уличный путь,
Где дом ее окнами светится,
С невиданным страхом осмелиться
Упрямо к нему не свернуть.

* * *

Зеленые выплески листьев.
Сырая весенняя сонь.
Попробуй, худое замыслив,
Незрелое деревце тронь.
Потом, если все-таки честно
Слагаешь живые слова,
Ты недосчитаешься песни
Синицы, дрозда, соловья...

* * *

Поезд на Север.
В нем больше мужчин.
В тамбуре дым коромыслом и споры.
Как тепловоз ни подталкивал к ссоре,
Не находилось весомых причин
Для неприязни открытой и вскоре —
Смотрим в окно и о разном молчим.

Солнце навывает, а ночь на закат.
Утром приедем в свое захолустье.
Дома и стены помогут нам лучше
Выяснить: в чем же я не виноват?
Но допускаю, что в приступе грусти,
Как ни хотел, говорил невпопад.

Я не подарок, и ты хороша.
Что создавали заботливо вместе,
Выкинул я, будто слово из песни.
Снова запеть не сумела душа.
Ты утверждаешь, наверно, из мести,
Что без тебя я не стою гроша.

Ветер в поселке гоняет песок.
В нем уживаются бабка в косынке
С золотозубым кавказцем на рынке,
С желтою дыней — моркови пучок...
Впрочем, поселок живет по старинке,
Зная, что бедность еще не порок.

Времени будет, как солнца, в обрез —
Вдоволь опят и брусники навалом.
Ливень блеснет мелкозубым оскалом,
Зябко поежится утренний лес.
И налипает к подошвам усталым
Глина — замазка на ощупь и вес.

На подоконнике кустики брызг —
Самой промозглой погоды рассада.
И донимает глухая досада
Между скучнейшим листанием книг:
Или потерян меж нами когда-то,
Или не найден был общий язык.

Дальше от лета, тем ближе к жилью
Скороговорки сорок на заборах.
Гаснет вчерашнего шелеста ворох.
Я просыпаюсь и все-таки сплю,
Припоминая, в каких разговорах
Я говорил, что тебя не люблю.

Совесть замаяла и неспроста.
Мог бы терпеть я и больше гораздо,
Лишь бы и ты понимала прекрасно,
Что паутина сверкает с куста
Зеркальцем грубо раздавленным, раздро —
бив отраженья лица ли?.. листа?..

*От ледостава
до ледохода*

Болото

Обобрано, истоптано — живо еще, —
Облизывая клюквины с боков,
Лежит упругошерстное чудовище
На тюфяке спрессованных веков.
К нему сбежались сосны низкорослые
И карликовым ставший березняк,
И облака пузатые и грозные
Вчера к нему спешили натошак.
Из любопытства осень нас забросила
На клюквенную ярмарку взглянуть.
Шагаем по замшелой глади озера,
Где прежде отражался Млечный путь.
Оно вплотную влагою напитано —
Не зачерпни излишек сапогом!
Что слышано, что ведано, что видано —
В мешке его зыбуче-моховом.
И никому — какие тайны собраны? —
Не разглядеть сквозь торфяную тьму.
Кончается откосом во все стороны,
Но речкой начинается в одну.

* * *

Листья для последнего помола
В колею намяло, намело.
И торчит над шляпой мухомора
Иван-чая дерзкое перо.
Тающе похрустывает ягель.
Короеды в дебрях сентября
Начинают от студеньих капель
Глубже замуровывать себя.
Надышался жарким и зеленым,
Насмотрелся в даль и глубину.
Почему ж опять неуголенным
По листве разбрызганной иду?
Все понятно и необъяснимо,
Все знакомо и как в первый раз-
Инеем подернулась низина,
Лиственница в ельнике зажглась.
Забрести в дремучее, глухое,
Где тайга подспудное хранит,
Может, там поведает такое,
От чего и смерть не оградит.

Карликовые березы

Осень в карликовых рощах
Та же, что в большом лесу.
Листья с заячий горошек,
Паутина на весу.
Как по-взрослому поникли
Деревца, решаясь вброд,
Выйти с веткою брусники,
Горстью клюквы из болот.
Не подняться на откосы
Им из губельного мха.
На своих сестер, березы,
Не смотрите свысока!
Ломки заросли густые,
Цепки ветви — не пролезть,
Но зато в жару какие
Подберезовики здесь!
А на мятном солнцегреве
В самом горьком сентябре
Радость тише, грусть добрее,
Справедливей жизнь к тебе.

* * *

Закат добавил меди
В осенний шелест крон.
Мороз. На лужах сети.
Торчит звезда колом.
Беспечно шли, смеялись
Легко, а между тем
Забывчиво касались
Таких сердечных тем,
Что с каждою минутой
Терял душевный лад
И наполнялся смутой,
Которой был не рад.
Не ожидал, отмучась,
Что захлестнет опять
Безвыходная участь —
Спокойствия не знать.
И темень навалилась,
Расплющила закат.
Я б счел за справедливость
Отдать ему за так
То давнее, что долго
Не в силах превозмочь.
Пускай вернется только
Уменье слушать ночь.

* * *

Озеро дымчато.
В инее весла.
Лес позабыл о вчерашних грибах.
Лужица в шляпе волнушки замерзла.
Остекленели опять на пнях.
Пух иван-чая и мысли о снеге,
Даже опушки обсохнут когда,
Не растворяются, плавают в небе,
Стынут на кромке прибрежного льда.
В почках заложен заряд ожидания.
Смутно забудусь — повеет весной,
Лодку качнет силой воспоминанья,
В берег ударит хрустящей волной.
В ночь онемееет студеная заводь
И мирозданье сомкнет берега.
Будет ли помнить озерная память
В лодке двоих и над ней облака,
Стаю гусей и чащоб конопатость?..
Чтобы однажды, вернувшись сюда,
Нас покачнула обманная радость
И отражения всплыли со дна.

* * *

Этой женщине за сорок.
В доме — покати шаром:
Ни варений, ни засолок,
Завтрак — кофе с сухарем.
Завсегдатай общепита,
Вечно чья-нибудь жена,
Суетлива и несыта,
Ни в кого не влюблена.
Кружат сплетни, анекдоты
И вранье, как воронье.
Не искал ей бог работы,
Черт старался для нее.
С ней начальство,
как со стервой
Обращается, когда
Утром грязью липко-серой
В душу глянет пустота.
И пропахнет все постелью —
Лес осенний, первый снег...
Кто жилал однажды с нею,
Не отмоеся вовек.

Кто она? Зачем? Откуда?
Где ее родимый дом?
И сама она, приблуда,
Век не вспомнила б о том
Да письмо легло на сердце —
Мать в деревне умерла.
Захотела разреветься —
Не сумела, не смогла.

* * *

Упругие потемки.
И ветер волокнист.
Штакетник из поземки
Вычесывает свист.
Пускай весна не взыщет,
Что с нею невпопад
И холоден, и взрывчат
На перекрестках март.
Я сам еще во власти
Вчерашних неудач.
С друзьями по-февральски
Порывист и горяч.
Сочувствиям не верю,
От хохота — бешусь.
И только ночь за дверью
Запомню наизусть,
Когда уйду в потемки,
Не уступив друзьям
Того, в чем должен только
Я разобраться сам.
Кружить по тропам тесным,
Смирняя горький бег,
И, уступая встречным,
Проваливаться в снег.

* * *

На отмели малька
Дочь зачерпнула кружкой.
Еще одна река
Становится речушкой.

За пнями не слышна
Былая сила леса.
Еще одна вина
На совести прогресса.

Вросла в траву изба
И вывихнуты рамы.
Еще одна судьба
С отсохшими корнями.

Вопросы малыша —
Ответы непростые.
Еще одна душа
Заплачет о России.

Голос

-Не читай газетной пены,
Не пиши на злобу дня —
Скоро стихнут перемены,
Будешь вспоминать меня.
Человека не исправить,
Значит, нечего и лезть —
Были, есть и будут зависть,
Склоки, ненависть и лесть.
Ты в душе не разуверься,
Не вноси в нее разлад...
От глухих ударов сердца
В доме стекла дребезжат.

Девяностые

Крестьяне, мещане, дворяне...
А нынче, кого ни спроси,
Дворянги, дворянги, дворянги
Снуют по великой Руси.

Дельцы, проходимцы, прохвосты.
Их как ни выстраивай в цепь
По жадности, весу и росту —
У всех одинакова цель.

Покуда смятеньем и смутой
Охвачен безмолвный народ,
Обманивай, спаивай, путай,
Хватай и бери в оборот.

За деньги к любому орешку
Находят пути без преград.
С осенней листвой вперемешку
Родные червонцы летят.

* * *

Я потерял тебя: Как же ты? Где? —
Письма мои без ответа.
Что ты молчишь? О тебе на хвосте
Сплетни разносит газета.
Чем безответней, тем злей наседать
Стали искатели грязи.
Не дозвониться и не развязать
Узел почтовой связи.
Может, хотел ты и произнести
Слово любви и согласья,
Да примиренье у них не в чести,
И отступил восвояси?..
Схлынула пена с газетных полос,
Лай унижительной травли.
Кто промолчал и в себе перенес
Негодование, правы —
Только презреньем к порокам чужим
Можно сберечь неуменье
Быть беспощадно угодливо-злым
В жадности и нетерпенье.
Грустно, что время войдет в колею
И, не покаявшись, те же
Влезут услужливо в душу твою,
К тем, кого хаяли прежде.

* * *

Встретимся в августе, на полпути
К рыжебородому лесу, в котором,
Если б не остановил разговором,
Через минуту меня не найти.

Стал укорять равнодушьем моим
К собственным промахам и передрягам,
Что отнесен к невеселым бродягам
Временем несправедливым и злым.

Все до поры, говорю, да порой
До удивленья зарей, до стакана,
До перелеска над зыбью тумана,
До котелка с окуневой ухой...

Надо отстать ото всех, кто поспел
В жадном раздрае везде и повсюду.
В жатве, посеявшей злобу и смуту,
Лучше остаться сейчас не у дел.

Неистребим, говорю, интерес
К осени нашей, что рыжики нежит,
Что в неудачах любого утешит,
Кто не за лесом приехал, а в лес.

* * *

Сидят над нами хваты.
Их речи мешковаты,
В которых не таят
Известное тем шило,
Кто в их калашный ряд
Сует свиное рыло.

Когда-то пили вместе.
Теперь они при кресле,
А мы скрипим на стуле
И познаем сполна,
Зачем в кармане дуля
У них припасена.

Пока в чинах и силе
Они воруют или
Упоены враньем
Без смысла и без меры.
Мы им давно не верим,
Но терпим и живем.

* * *

И верно, всему есть предел.
И ты среди мрака лесного
Почувствовал — мир посветлел
От громкого честного слова.
А тем, чья размножилась ложь,
Что шагу ступить невозможно,
Пристроиться вновь удалось
В глухих кабинетах надежно.
Пошел туда с правдой, назад
Вернулся без правды и света.
Стоишь перед нами, а взгляд
Доныне отсутствует где-то.

Вождь

Толпа желает быть народом.
Народ не хочет стать толпой.
И год от года, год от года
Мрачнее небо над страной.
Растет чернобыльская яма,
От гари кашляет Урал...
Вождю на митингах упрямо
Толпа поет: Ура! Ура!
Его слова пьяней отравы
Для тех, кто низок и жесток.
Вожди всегда толпою правят.
Народом правит только Бог.

* * *

В столичной толкотне
Растерянного дня
Вдруг показалось мне —
Окликнул брат меня.
Я не поверил в то,
Не посмотрел назад.
Но как хотелось, чтоб
Меня окликнул брат.

Москва

Прощай! И все, что за спиною,
Внезапно стало далеко.
Что находил с трудом весною,
Теряю осенью легко.
Искал тайгу в почтенных парках,
Луга — на клумбах площадей.
Не узнавал на вещи падких
Людей в цепях очередей.
Не обивал пороги комнат,
Что смотрят окнами на юг.
Где зеркала меня не помнят,
Там женщины не узнают.
Пора, печали не развеяв,
Не умножая праздных дней,
Вернуться к лесу от деревьев
И к человеку от людей.

* * *

Свернул за угол в белый сполох
Дремотно инистого дня
И гул, что шел со мной бок о бок,
Надолго потерял меня.
Втянул безлюдный переулок,
Неоскверненный вороньем,
Из суматохи, шуб и сумок,
Где хам торгуется с ворьем,
Где разнопестро и нелепо
Торчат киоски-терема...
Как хороша — вдохну я неба
И облак выдохну — зима!
Не тишью мужественно ясной —
Обдало сердце чистотой.
Казалось, встретился не я с ней,
Она искала встреч со мной
Среди базарной вязкой мути,
Где заправляет ложь и блажь,
Где этой благодной минуты
Вовек не купишь, не продашь.

Ранняя весна

Там жмурит мать-и-мачеха свои
Желтки кошачьи, там еще спросонок,
Как нитки, замотались муравьи,
Никак не разберут своих иголок.
И сохнет настороженная хмарь,
И тишина стоит, как по отвесу,
И беззащитно царствует глухарь,
И белый заяц мечется по лесу.

* * *

Зной, разорванный составом,
Вновь сомкнулся невесомо.
И вернулись к душным травам
Сонмы пестрых насекомых.
Уж, что нежно раздремался
На шпале сухой и чудом
Лишь на ось не намотался,
Выполз вновь невесть откуда.
Лишь в ромашковом наклоне
Длится тяжкая минута —
Растеклась в ее короне
Капля черного мазута...

Волнение

Перешел на шепот ветер
И волна густого зноя
Вновь обрушила на вечер
Запах мяты и левкоя.
Между луком и укропом
Тяжело увязли мысли.
Шевельнешься ненароком,
Покачнешь ночные выси.
Ты зовешь, а я, не слыша,
Чую, как из отдаленья
Подступает ближе, ближе
Духота прикосновенья.
Наша робость та же тяжесть
Зноя в вянущей одежде.
Что ни спросишь,
что ни скажешь,
Возвращается к тебе же.
Ходят волны не от ветра,
От меня к тебе упрugo
И, столкнувшись,
медлят, медлят
И проходят сквозь друга.

Отпуск

У паутины блеск иголки.
В июле грозы нарасхват.
И выбегают на пригорки
Цыплячьи выводки маслят.
Клубится шелест вперемешку
С пернатым ором на заре.
Иду на службу перелеску,
Грибной и ягодной поре.
Сюда, заложенное в генах,
Зовет веселое родство
Из городка, где кроме денег
Не заработал ничего.

* * *

Б. Карташову

Одинокое дерево в поле
Раскачал сумасшедший порыв.
Обхватил я его поневоле,
Успокоить внезапно решив.

Зашатались земля и небо
И в душе поселился страх:
Отпуститься от дерева мне бы,
Но едва ль удержусь на ногах.

Слишком сильно оно раскачало,
Растревожило душу мою.
И молю, чтоб оно устояло.
С ним и я на земле устою.

★ ★ ★

Издалека торопились.
А пришли и пали духом:
Валуны в реку скатились,
Обросли зеленым пухом.
Свалка лома, куча бревен...
С горьким криком сожаленья
Облетел столетний ворон
Незавидные владенья.
У воды стоим, не зная,
Можно ль вымыться-напиться:
-Вещий ворон, здесь живая
Или мертвая водица?

Огородник

Огороды пышно вскопаны.
Май обвеял, дождь полил.
И сапог, налево стоптанный,
О лопате позабыл.
Засинели вскоре самые
Долгожданные из дней
И полезли всходы слабые,
С непривычки побледнев.
Поливал, ведром позванивал.
Как с начинкой торфяной
Огород, его призвание —
Страсть с горчинкой деловой.
Сам и сам, с утра до вечера,
То к свекле, то к огурцам.
Дочь помочь хотела.
— Нечего
Трогать саженцы, я сам!
Чем, когда его обидела
Жизнь былая? Нежность вся
И любовь, какой не видела
Даже смирная семья,
Отданы возне с укропом и
Помидорами чуть свет...
Подойдет жена с упреками —
Дед он во сто шуб одет.

★ ★ ★

Гадюка — пружина в ажурном чулке,
Извилистый след на горячем песке,
С шипеньем втекла под коряги и мох.
И ты ее больше увидеть не смог.
Лишь чуял в траве растворенную жизнь,
Опасность в сыром шелестении, лишь
Тревожней к реке запетляла тропа.
Да капля холодного страха со лба.
Но в трепетном мире и ты растворен
И к жизни тем начисто приговорен,
А встречи случайной короткий испуг,
Как пух, отлетел от ликующих губ,
Когда, воспарив над речной синевой,
В плескучее солнце вошел головой.

* * *

Пусть школа без меня зубрит свои уроки.
Я в снегопад забрел и путь назад забит.
А снег летит то вдоль,
То поперек дороги,
То, стоя, засыпает,
То, падая, стоит.
Не выйти никуда из чащи снегопада.
Ни дома, ни беды, ни славы не видать.
И все-таки душа потерянности рада,
Однажды обрета, ее не потерять.
Я вырос из него давно,
Но только стоит
Закрыть глаза, как он тоской охолодит
И встанет надо мной до звезд.
Но только стоит
Открыть глаза —
Во мне дремучий снег валит...
Как шубу снег стряхну у позднего порога.
Скучна квартира и полудремотна мать.
И на меня глядит внимательно и строго —
То ль ей меня, то ль мне
Родимой не понять.

Юность

Нам бы мороза подольше,
Чтобы звенели дрова.
Снег истончал, как подошва,
Валенок — чуть и дыра.
Колем для школы поленья
Жарко и яростно — жуть!
Мы уставали, но в лени
Нас не могли упрекнуть.

Яблоня

Еще мальчишкой посадил
Перед отъездом деревце.
Притопал почву и полил.
И снится — цветом пенится,
Стучится веткою в окно,
Парит весенним облаком.
Хотя пора давным-давно
Присниться первым яблокам.

✓ ***Верба***

Снег отступил и залег
За ивняковым валом.
Скоро растает и лед,
Дело стоит за малым.
Он уцелел в холодке,
Долго ненастье злилось,
В облаке, шилом в мешке,
Жаркое солнце таилось.
Птицы озвучили лес.
И под окошко утром
Верба спустилась с небес
Солнечным парашютом.

Вечер

Густа комариная взвесь
И колюща без передышки.
В таежную речку залезть
Отважились только мальчишки.
За визгом следим с бережка,
Как ели,
в боязни упорны,
Что свесили исподтишка
К воде обнаженные корни.
Ребята с бревна —
вразнобой.
И хохотом плещут на берег.
А низкой глуши боровой
Ждут страхи,
когда в них поверят.

Ель

Осанистая ель,
Живая форма башен,
Которыми украшен
Не только русский кремль.
В ней готика и в ней
Верхи китайских пагод...
Влезал в густую память
По лесенке ветвей.
В ней испокон живет
Тех кадров вереница,
Где взмахивает птица,
Идущая на взлет.
Шныряли в рукавах
Клесты без передышек.
И шел от свежих шишек
Медовый перезвук.
А зацветал апрель —
И в сумерках весенних
Огромный муравейник
Высиживала ель.

Аллергия

Зеленый день от влаги разбух.
Запах весомым, сытым, земным.
Поднялся пар, похожий на пух,
А после пух, похожий на дым.
Как он прилипчив, хотя ленив,
Как вездесущ, хотя и не бес.
На раздраженно-крутой порыв
Он взвинчивается до небес.
Смываю, сщипываю и жгу,
А он за мною, как некий дух...
Куда укрыться?
Домой вбегу —
Со стула вежливо встанет пух.

* * *

Втянул по суставам себя
Состав в нелюдимую полночь.
Глазели, настилом скрипя,
Еще ото сна не опомнясь,
Как тусклый фонарь освещал
Вагонника, рельсы и гравий,
Как паялился сонный вокзал
На пеструю нашу ораву.
В пальто, с чемоданом одним,
Без кепки — стащили в вагоне,
Стоял с поколеньем своим
И я на дощатом перроне.
Зачтется, родители, вам,
Что против ребяческой воли
Отправили.
Мой чемодан
Тяжел, словно ненависть к школе.
Угрюмо пошли вдоль оград,
Дробя застекленную лужу.
И слово одно — интернат —
Пугало бездомностью душу.

Еще

Еще бобы набиты ватой,
Еще с оглядкой вороватой
Туманы пятятся к реке
И след подушки на щеке.
Еще наполовину с пухом
Они и пополам с испугом
Восторг —
предвестье перемен.
И сам не ведаю, как нем.
Еще горит в глазах веселых
Заместо солнышка подсолнух.
И в ячеях его пока
Не семя — капли молока.
Еще роса студеной градин.
Еще самим собой не найден
И в лес зовущая судьба
Всего лишь навсего тропа.
Еще хотят деревья сами
Моими зеленеть глазами,
А слово, под ноги упав,
Рассосано корнями трав.

И нету боли без причины
И от былинки до былины
Тысячелетний путь лежит.
И он еще не пережит.

А день сияет пересвистом,
Неясным, но
Понятным смыслом.
И, не обдумав, сделал шаг.
И ветер засвистел в ушах.

* * *

Человеку с топором
Говорили птицы:
Срубишь дерево, потом,
Если внук родится...

Человеку с топором
Говорили звери:
Срубишь дерево, потом
Он шагнет за двери...

Человеку с топором
Говорила рыба:
Срубишь дерево, потом
Он нырнет с обрыва...

Но мгновения прыжка
Канут за веками:
Прыгал — зыбила река,
А упал он — камни.

* * *

И осени огромный лист
Рассыпался на листья,
И женщины забытой лик
Рассыпался на лица.
А незаполненный объем,
Прозрачной белой ночи,
Очерчен коршуна крылом,
Туманом оторочен,
Прошит гусиным косяком,
Напитан духом ягод,
Незабываемым дымком
Былых невзгод и тягот,
Неуловимой новизной
В ленивой воле пуха...
Зима зимой, сама самой
Заполнилась разлука.

* * *

Капель оборвалась и по настово-картонным
Полям заколыхался спиртовый свистопляс.
Поземка покатила за гулом стооконным,
Наматываясь ватой по чаще непролаз.

Сосульками прибита стопа воспоминаний,
Подшивка настроений зимы, а начинал
Задиристо февраль, как молодой да ранний
И оттепельной сажей морозы оттенял.

Метет, не замечая, как метит нам, куда бы
Ни повернули, снегом царапнуть по глазам.
Скользим по гололеду и падаем в ухабы
Со смехом, поднимаясь с грехом напополам.

Доводит до озноба избыток ощущений,
Предчувствий затаенно растущей новизны
В растерянной тревоге твоих сердцебиений
И в обретенной мною сумятице вины.

Дурачимся, а смутным сознанием понимаем,
Что выпадет мгновенье и кончится игра.
И выбора не будет меж долгом и желаньем,
И в страсти не заметим ни правды, ни добра.

И жизнь преобразится, перелистает лица
Разбуженная память, и оживет на миг
Из юности одно, с которым совместится
Твое, и восхищенно войдет в меня двойник.

* * *

Март в обертке целлофановой.
Березняк, грачей заманивай
Гнездами вразвес!
На чердак три долгих месяца
Снег карабкался по лестнице,
А за сутки слез.

Подрезает солнце лезвием
Вместе с заячьим созвездием
Млечную лыжню,
Что продляла прямослойные
То лучи, то тени в хвойнике,
То печаль мою.

Столько слышано и видано,
Пережито, что обыденно
Слушаю в себе
Вечной боли прорастание
К птицам, травам на проталине,
Лужам на тропе.

И к черемухе обветренной,
На которой как прилепленный
Светится лишай.
Всякой жизни, каждой малости
Говорю в порыве радости:
Здравствуй и прощай!

День ощупывая точно,
Просверкает ливень солнечно
По большой земле —
Жизнь проходит — время славное,
Жаль, порою возле главного,
Возле — не во зле.

✓
* * *

Мохнатой гусеницей снег
На вербном марте.
Окна и лужи пересверк,
Как по команде.
От грязи улицы рябы.
С ветвей окружи
Отряхивают воробьи
Остатки вьюги.
На лето родственников ждут,
Хлопочут в гнездах,
Зерно украдкою клюют
Меж куриц пестрых,
С оглядкой чистятся в песке
По теплотрассам.
И клен в испуганном броске
Заполнят разом.
Он тоже начал оживать:
На ощупь, немо
Корнями почву разминать,
Ветвями — небо.

Оттепель

— Любимая! — крикну на улице людной,
Густой от седого морозца,
От яркого солнца застенчиво чудной.
Никто даже не обернется.
— Любимая! — я повторю громогласно.
— Родимый, — услышу под ухом, —
Чаво ты орешь, неужели не ясно, —
Одернет кривая старуха, —
Такое одной, шепотком, а не сотням...
И дальше, косясь, поспешила.
И все же скажу я:
— Погода сегодня
Любимая мной наступила.
И шапки заменят на серые кепи
Дома — не пройдет и недели —
Ручьи по дорогам сорвутся как с цепи
По лисьему следу капли.
— Любимая! — крикну на улице людной,
Седой от сырого морозца.
И та, что забылась в печали минутной,
Навстречу судьбе обернется.

* * *

За дождями следом
Полыхнуло снегом,
Выхватило нас
Из барачной жизни,
Едкой укоризны
Посторонних глаз.

Понесло далече
От змеиной речи
Кухонных интриг
В захолустье наше,
Где к сорочьей чаще
Городок преник.

Никого за вьюгой
Хлесткой и упругой —
Обними меня! —
Май на занавеске,
Кот Баюн да в печке
Яблоко огня.

* * *

Благодатным сияньем утешен
И вечерним раздумьем храним,
Снегопад был деревьями взвешен
До минуты, пока перед ним
Не застыл я, тревожное вспомя.
И тогда над смятеньем моим
Слева с веток обрушились комья,
Справа тем же ответили им.

Дико вскаркнула черная птица,
Ей откликнулась свора собак.
Разве знал я, что может случиться
С этим миром, задетым впотьмах
Растревоженной болью некстати.
Закачалась зима на ветрах.
И теперь не найти благодати
В снеговерти, взрывающей мрак.

Только хлещущий слева направо
Мокрый свист по щекам и глазам,
Как расплата за то, чем недавно
Мучил близких и мучился сам.
Что ж, взрывай пуховую трясину
И одежду срывай, все равно
Взбаламутить тебе не под силу,
Что на душу легло, как на дно.

* * *

Голубовато мрачен снег
В тени, а на припеке
Уже одет в колючий мех.
И пляшет на пороге
Тысячедробный пересверк.

Душа запоминает впрок,
Как прошлогодним зноем
Запахло от сухих досок,
А парника размытый бок
Лоснится перегноем.

На подоконнике взошла
Нежнее тли рассада.
В межрамье муха ожила
И бьется до упада
В стекло визгливо-весела.

Протерли первые глазки
Картофельные клубни.
И одинаково легки
И праздники, и будни —
Кому безделье не с руки.

Чем ослепительней весна,
А воробьи трезвонче,
Тем избежать труднее сна,
Когда присядешь у окна
Пожмуриться на солнце.

* * *

Дождь ощупывал темноту,
Неизвестно кого ища,
А наткнулся на пустоту
Мной оставленного
Целлофанового
Плаща.

Постучал, поцарапал, смолк.
Там осталось твое «пусти»
С земляничным запахом щек,
Жаром молодости,
Вседозволенности...
Прости.

Брат

Мне на вечер хватило
Необдуманной речи.
В небе лампа коптила,
Пыль крошила на плечи.
Я надеялся, что-то
В нем мое сохранилось.
И спрашивал только,
Что с годами забылось.
Как бежали куда-то
По росе онемелой...
Все ушло без возврата.
Но какое нам дело?
Вспомни серый проселок
И соседские тыквы,
Как бодал наш теленок
Глупые мотоциклы...
Не припомнил? Как тесно
В полусумраке с братом,
Будто не было детства,
Проведенного рядом.

И подумалось грустно:
По тому ли я следу
Торопился? И круто
Обрываем беседу.
Гаснет с листьями в луже
Вечер в бликах багряных.
И стоит равнодушие
В одиноких стаканах.

* * *

Отведу рукою ветку — прядь со лба,
Опахнет лицо испуганная птица.
Хвойным войлоком прикрытая тропа
Заторопится под серый мох забиться.
Опоздала, я нащупал сапогом
Направление лет, забытое когда-то:
Под валежником, размытые дождем,
Стерты корни до мозолей узловатых.
Заметалась, запетляла впопыхах.
Но поймал ее, отвыкшую от бега,
И почувствовал обрадованно, как
Присмирела, вспоминая человека.

* * *

Еще оглянись, чтобы наверняка
Понять, что уходишь последним.
Зеленый кузнечик в тени лопуха
Болтается крестиком медным.
Янтарно слезятся сучки вековых,
Пропитанных временем бревен.
А мир, что однажды сложили из них,
Не сразу поймешь, как огромен.
Чужбиною станет родная страна,
Насупишь полночные брови.
Но память о доме уже включена
В твой круг обращения крови.
Пока не истлели в углу чердака
Подробности детского счастья,
Еще оглянись, чтобы наверняка
Понять, что пора возвращаться.

* * *

Золотисто-зеленым сияньем
Наполняется искренним днем
Разногласно озвученный маем
И объятый ветвями объемом.
Отраженные в жирных болотах,
Облака зарастают травой,
И звенит над гнездом желторотых
Одуванчиков пасечный зной.
Посветлела душа в оболочке
Зимней грусти до самого дна.
И поющей пластинкою в бочке
Кружит, не проливаясь, вода.

Доля

Горек и сумрачен путь —
Наша российская доля.
Сила нужна — согнуть,
А разогнуться — воля.
Войны, гонения, власть,
Ссылки и высшая мера...
Горе нужно — упасть,
А приподняться — Вера.

* * *

А глаза твои — горести
О военном, голодном —
Путовичные прорези
На пальто старомодном.
А в глаза твоей дочери
Гляну и онемею —
Ночью хамы по очереди
Измывались над нею.
А глаза полупьяного,
Полусытого сына
Злобны без основания
И добры непростимо.

Война

Что было внутри — то снаружи.
Над вами, лежащими в ряд,
В две стаи сбиваются души,
Его летит в рай, твоя — в ад
Из ада, где пепел горячий
И кровь вперемешку с землей,
Где все, что увидит незрячий,
Расскажет глухому немой.

* * *

Отвыкаю от зеркал,
От примет, любовь сулящих,
От застолий наповал
И глядений в телеящик,
Что показывать привык
Попугаев говорящих,
Позабывших свой язык.

Только волей дорожу
Выбирать: слова по сроку,
Милую по шалашу,
Где не рай со мной, ей-богу,
Поговорке вопреки,
По созвездию — дорогу,
По дороге — сапоги...

* * *

Приходит успокоенность
К тебе по временам:
Раз двое нас, раздвоенность
Не угрожает нам.
А значит одиночество
Не встанет поперек,
Отечество и отчество,
И сын тому залог.
И как ни опрометчива
Ревнивая любовь,
Вдвоем мы — человечество,
А врозь мы — каждый Бог.

Встреча

Припомним, как непросто
Давалась нам Сибирь,
Где спелый хруст морозца
Да звон еловых гирь.
Как царствовал на равных
С людьми большой мороз.
Но о вчерашних планах
Не говорим всерьез.
Трещали чурки в печке,
До крови жег рассвет.
Нам все давалось легче
По молодости лет.
Я прикипел к поселку,
Где каждая тропа
Ведет в тайгу, поскольку
Для многих лес — судьба.
А ты, я слышал, в кресле
Среди конторских крыс,
Доволен жизнью, если
Пузат, смешлив и лыс.
Даешь советы громко,
Как жить и быть собой.
И у твоей дубленки
Начальственный покрой.

★ ★ ★

Задебрена, задобрена тайга
Косматой тишиною спозаранку.
Стоит она в тулупе наизнанку,
А на плечах зимуют облака.
Как ни скороговорчив товарняк,
А эхо успевает без запинки
Вокалом великана-невидимки
Размножить многотонный перезвяк.
С иголочки одеты в декабре
Деревья пухлой путаницей веток,
Торжественно сияют напоследок
Соборным златоглавьем на заре.

* * *

Не было денег, был запахом сыт
Свежемороженных яблок,
Рыбой вприглядку — нещадно забит
Всяческой снедью прилавок.
Снег разгребали, таскали мешки
С братом, скопить удавалось
На золотую подкову трески,
Пряник и «дунькину радость».
Помню большой самовар на столе,
Сладости звон леденцовый,
Как широко отмечали в семье
Праздник получки отцовой,
Палтус в желе, помидор к ветчине,
Чай и столовые вина...
Деньги с годами упали в цене
И опустели витрины,
Круг колбасы разомкнулся, а сельдь
В сети чужие попала...
В детстве не знал и теперь не иметь
Крепче души капитала.

1989 г.

* * *

Зима тепла и выпукла.
Трудясь без передышки,
И караваи выпекла,
И калачи, и пышки.
Покуда мама добрая
Не видит, в переулке
Шагаю, пышки пробуя,
Общипывая булки,
Замешенные стужею
На предзакатной сини,
С начинкою воздушною
Из смеха без причины.

Бабушка

Болит поясница, и даже у лампы
Не видишь иглу, когда шьешь.
Устала, истаяла и умерла бы —
Да разве без смерти умрешь.
Торопит весна.
Как ни тяжки заботы,
Смогла посадить огород.
Теперь на покой долгожданной самой бы,
Да кто урожай соберет.
Суrowa зима.
Снег сметешь через силу
И, право, отмучиться б тут.
Да те, кто возьмутся теперь за могилу,
Тебя же еще проклянут.
Опять семена помидоров и репы,
Картошки к весне отберешь.
Посеять и выходить — и умереть бы.
Да разве без смерти умрешь.

* * *

И наше облако дыханья —
Табачный запах и хмельной —
Соединилось выше зданья
С клубами печи заводской.
Разбухла туча ощутимо,
Смешала посреди небес
Кислотный пар, отраву дыма
И пыль Чернобыльской АЭС.
Когда с водой соединилась
И раскалилась до беды,
По краю пламя зазмеилось
От ярко чиркнувшей звезды.
И грянул проливень жестоко.
И люди с мудростью детей
Просили милости у Бога.
А Бог — пощады у людей.

* * *

Долго не сохнет осенняя грязь,
Долго не сохнет.
Газик буксует, глубоко увяз,
Скоро заглохнет.
Дверцу водитель захлопнет рывком,
Плюнет: зараза.
И озабоченно двинет пешком
До автобазы.
До автобазы четыре версты
Поле да лесом.
Стоит в осинник ему забрести,
Как с интересом
Он поглазеет на дым паутин,
Тишь золотую.
И пожалеет, что видит один
Радость такую.
Он пожалеет, но вспомнит друзей.
Вспомнит и сразу
Повеселеет и двинет быстрее
На автобазу.

* * *

Размалеван октябрем,
В копоты и дыме
Прокатил железный гром
По вечерней стыни.
Электричество зажгло
Зданье у дороги
И расплющило стекло
Любопытству щеки.
Проплясал по окнам свет,
Но ему, однако,
Не залаяла вослед
Ни одна собака.
В колею вошла вода
С каплями мазута,
И в квартире без труда
Унялась посуда.
Торопился на постой
Утомленный трактор.
Много шума? —
Уж такой
У него характер.

* * *

Как просторно вылиняла явь,
Ожидая зимнего предместья.
Утонченно инисты деревья
И курчава лиственная ржавь.

Снегири, на гроздьях повисев,
Упорхнули, и стемнело тут же —
Снегопад ввалился неуклюже
Сквозь прорехи в лесополосе.

Как ни хлопотлив он, по всему
Саном дорожит высокородным.
Перед ним, задумчиво бороным,
Шапку неожиданно сниму.

Кто кого поддерживал плечом
В смутах и сомнениях, неважно-
Он во мне и я в нем — долгожданно!
Право, помолчать нам есть о чем.

Лесосека

Подробно памятен года:
Трелевки рев заречный
И пыл ударного труда
Бригады лесосечной.
Деревья падали плашмя.
Теперь от тех событий —
В корягах ржавая клешня
Да злая боль с обидой.
Горчит мазутное пятно
В кипенье иван-чая.
На нашей совести оно
Лежит, не зарастая.
Среди березовых кустов
Захламлена поляна
Трухлявой пачкою хлыстов,
Переизбытком плана.
В них поселились мураши
И ящери, а рядом
Пригорок в меховой тиши
Маслятами запятнан,
Суглинок корни обнажил.
И время виновато,
Что их насилу отличил
От ржавого каната.

* * *

Поселок был брошен,
как камень.
Сомкнулись леса — не найти.
Кругами расходится память,
Кривя человечесьи пути.
Там глухо теперь и таежно.
Осколки невзгод и любви
В земле растворились надежно,
Гудят беспокойно в крови.
Давно лесопилка сгорела,
И, рухнув, сгнила каланча...
Ликует трава у колена,
И ветви шумят у плеча.

* * *

Столетнее дерево вывернет бурей,
И правнук увидит в разжатых корнях
Пластмассовый кузов, от времени бурый,
Игрушки, потерянной мной впопыхах.

Так памятный слой обнажится, где жили,
Мечтали, смеялись и плакали мы.
Бежали на речку по взрывчатой пыли,
На горку — по черствому хрусту зимы.

Родные мои, что давно отоснились
И больше не мучат соседством меня,
Оставили горечь — леса истощились,
Когда собрались у последнего пня:

Пора, на сто лет закрываем поселок.
Кому открывать — не родился еще
На вырубках встала орава сосенок.
И мхом забивается тракторный шов...

Еще не нашел, с кем расстался в дороге,
Не свиделся с теми, кто вспомнил меня,
Как снова, судьбу повторяя, жестоко
Редет тайга и пустеет земля.

* * *

Медленные, ветреные ночи
С пригоршнею снега или звезд.
По утрам крапивного короче
На березах изморозный ворс.
Солнце поднялось на подоконник
И скатилось, напивав слегка
Радостью, непонятой спросонок,
Яблоки, а может, облака.
В нынешнем нежнейшем предвечерье,
Как ни безмятежно одному,
Все, что мне отпущено по вере,
С тихой благодарностью приму.
Заискрятся с обнаженных высей
Звезды удивительно свежи,
И слова отыщутся для мыслей,
Музыка — для радости привычной,
Мудрый собеседник — для души.

* * *

Лисий след капли.
Бронзой
Тлеет облачная мгла.
На снегах кирпичной розой
Новостройка расцвела.
Листья в наледи предзимья —
Водяные знаки. Нет,
Не по ним я, не по ним я
Узнаю прощальный свет
Золотой щемящей воли —
По сороке на стогу,
Горстке лиственничной хвои
Рыжей тенью на снегу,
По синичьей перекличке
На прогалине лесной...
Осень поздняя привычно
Пахнет раннею весной.
Так же дремно на припеке,
Даль маняща, и в груди
Смутной грусти и тревоге
Объясненье не найти.

Бед

Он вернулся к полуночи злой,
Неуютный, чужой, запыленный,
Отягщенный какой-то бедой
Недосказанной, неразделенной.
И молчит, и молчит, оттого
Сам в тревожных догадках забылся.
Тихо день за плечами его
В два широких окна прояснился.
По глазам, потеплевшим слегка,
Разряженному воздуху встречи
Ощутил: как беда ни тяжка,
Не на душу легла, не на плечи —
Между нами гуляет она.
Души то обожжет, то остудит,
Будто не разберется сама,
Кто из нас третьим лишним будет.

* * *

Долгой будет осень — в сентябре
Расцвела черемуха внезапно.
Холодно дрожат на топоре
Ржавью околдованные пятна.
Бродит за туманами тепло
Призраком соломенного зноя.
Радуюсь, что снова повезло
Выйти из тяжелого запоя.
Выйти и решительно войти
В будни, перебранки, пересуды.
Не солдат в душе я и войны
Никому не объявлял покуда.
И хотя перетревожен дом,
И родня кричит, что я беспутен,
Долгой будет осень, и о том,
Тихо позабудем, позабудем.

Кочан

Синевато-матов от натуги,
Многokrатно листьями обжат...
Мне бы взять себя в такие руки,
Чтобы не испытывал я муки,
Видя, как глаза твои дрожат.

Но порой подкатывает ярость —
Как, сосредоточенно мрачна,
С кухонною участью смиряясь,
Обрываешь листья, подбираясь
К самой сердцевине кочана.

Сделаем, родная, передышку,
Осень полистаем и пойдем,
Что и в ней веселого не лишку.
На двоих разделим кочерыжку
И давай: кто громче! — погрызем.

За орехами

Август холоден и фиолетов,
По-осеннему полон тревог.
Шишки, прыгая с ветки на ветку
Коронованных звездами кедров,
Глубоко зарываются в мох.
Где упали — берем на заметку.

Смоляные, граненые чушки
Соберем по светлу, а потом
Шелушим терпеливо орехи.
Пальцы не отлипают от кружки
С золотым горьковатым чайком.
И устало слипаются веки.

Но пора собираться к вокзалу,
Приучившему разный народ
К одному затяжному молчанью.
Да и нам надо мало-помалу
Подготовить слова наперед
К ободренью, прощенью, прощанью.

Нам покажутся пять километров
Десятью — по болоту нести
Рюкзаки, располневшие грубо.
С коронованных шишками кедров
Звезды падают в наши следы.
И желанье загадывать глупо.

* * *

Газета по ветру шагала,
Пыталась взлететь, распластала
Страницы по грязной воде,
Как бабочка, что побывала
В руках человека уже.

Я слушал себя и не слышал,
По кругу я шел, но не вышел
К началу пути. Только раз
Себя перед другом возвысил,
А стыдно за то и сейчас.

И, сам самому опостылев,
Упал и не чувствую крыльев
Подняться. А следом за мной
И осень, в дождях обессилев,
Ударилась оземь листвою.

Но бабочка — нежная легкость —
Светлейше присела на локоть,
Узорно мигнули крыла —
Растаяли тяжесть и косность.
Вспорхнула и ввысь подняла.

* * *

Осень на Севере.
Ворон на дереве
Вскаркнет и лужу осыплет листвою.
Тихо и празднично.
Как ты загадочна
И молчалива сегодня со мной.
Птицам подсвистывал,
Грузди выискивал
Или выщипывал клюкву из мха,
Нежностью тающей,
Все понимающей
Ты мне особенно нынче близка.
Дальше от праздного
Слово бы за слово
До откровений дойти не спеша.
Не к отрешенности,
А к обнаженности
Неумолимо стремится душа.

Шишки смоленые,
Утяжеленные
Каплями гроздя рябин на заре,
Листья с лисичками.
Лезу за спичками —
Выжгу горчайшую боль на костре.
Лес приосанится.
Все, что останется,
Не растворится, не сгинет в земле,
В яростном пламени,
В сумрачной памяти,
То не по силам забыть даже мне.

Сторож

Хребтовые извилины метели
Спрямили лесовозы, прогудели
В рассерженную ночь порожняком.
Небритый сторож, не молчится деду,
Желает завязать со мной беседу —
Он здесь со всеми коротко знаком.

Вздыхает: да, работали мы раньше...
В другой бы раз послал его подальше.
А нынче, делать нечего, молчу,
Поддакиваю деду отрешенно:
Дожили до асфальта и бетона
И новичкам морозы по плечу.

А было, было... Маялись на стуже,
Под лесовозом ползали на пузе,
Вылебывали сапогами грязь,
К мозолям примерзали монтировки
И не хватало на зиму спецовки,
И на медали не скупилась власть.

Характер замесило бездорожье.
Несовместимый с подлостью и ложью,
Почетен был и уважаем труд.
Да, пили мы не только ключевую:
Когда прозябнешь до соплей в ночную,
Не аспириин глотаешь от простуд.

Горбатились упрямые, как черти.
Не верите? — по трудовой проверьте,
От благодарностей разлопалась она.
Меня другое мучает — как много
Перенесла, перевезла дорога,
А почему же не вылазим из дерьма?

Куда ушло, куда все подевалось?
Пропало, что заначили на старость —
Не я один нанялся сторожить.
И жизнь прошла. Обидно мне, однако,
Что воры, проходимцы и деляги
Сегодня мне советуют как жить...

Я в нем узнал с досадною тревогой
Шофера, одержимого дорогой,
Героя здешних лесовозных трасс.
Из-под седой колючистой щетины
Проглядывали резкие морщины,

Идущие почти от самых глаз.
Он замолчал, в полночное уставясь,
И машинально пальцами пытаясь,
Срываясь на отчаянье и злость,
Из подоконника с тоской натужной
Согнуть упрямо, выдернуть ненужный,
Как боль из сердца, заржавелый гвоздь.

1996 г.

* * *

Закаты подходят ко сну моему,
Как месяцем раньше рассветы.
Встречал по одежке, а как по уму
Проститься, примолкшее лето?
Дожди голубику сбивают с куста,
Нанизаны капли заместо.
Не мне замыкает сентябрь уста,
Но мне эта мука известна.
Была бы она не бессонно тяжка,
Была бы как оцепененье
Под воем метели и мехом снежка,
А в пору весны — вдохновенье!
Тогда бы я ведал, откуда начну
Тянуться в бездонную просинь,
Какими восторгами встречу весну,
Какими раздумьями — осень.
Но жизнь от крещения и до креста
Ведет не звезда и не чудо —
Святое желанье разгадки: куда? —
Чтоб знать, оглянувшись, — откуда?

Весной на реке

Уже озеркален и кротко расхвоен
Речной солнцепек и заметно подмок.
В холодной испарине жадных промоин
Готовит вода за подвохом подвох.
То ржавью набухнет тропа посредине,
То трещиной сдвинет недавний привал.
То окуня на отколовшейся льдине
Теченьем подхватит, пока ты зевал.
И дышит сквозь лунки разбуженный омут
И, как в телескопы, глядит на луну.
Он полуметровую крышкой прихлопнут,
В нем рыба на ощупь гуляет по дну.
Обвальнее снег и обильнее солнце.
Заставит весна потесниться Сибирь,
Когда, разгребая заторы и сосны,
Привстанет река и расхлынется вширь.
Шальная моторка в потемках воткнется
В густое скопление звезд и коряг —
И высь покачнется, и глубь содрогнется,
Застынешь: взлетать или падать? — во мрак.

* * *

Молочно-пунцовый березовый март
Вмерзал капиллярами в небо.
И ворон
Пугливому эху бросал нарасхват
Короткие вскарки и слушал,
Доволен,
Пока широко отзывались круги
И гасли за облачным великолепьем,
И голову вскидывали рыбаки,
Которыми сумрачный омут облеплен.
Истает весна и округа в плену
Иных голосов многоцветно очнется.
И эхо, что зеркалом только ему
Служило,
На сотни осколков взорвется.

* * *

Ты знаешь лучше всех,
Когда судьба навыверт,
Что будет наперед.
Сегодня в сердце смех,
А завтра — горький выдох,
А послезавтра — лед.
Его не растопить
Сумятицей стараний.
Теперь наверняка
Он будет в нас саднить
Да от воспоминаний
Подтаивать слегка.

* * *

Уже озвучен, зеленью
Заявленный, объем.
И тени стали теменью
В ольшанике рябом.
Шатаемся меж соснами,
Находим, где вкусней,
Не склеванная с осени,
Брусника возле пней.
Наслушаемся певчего
Разноголосья, но
Сердечней человеческого
Не знаем все равно.
Мы узами разумности
Повязаны. И стих,
Как пережиток юности,
Охотничий инстинкт.
Когда слоисто выслана
Туманами вода,
Нас пристальнее выстрела
Заворожит звезда.

* * *

Засыпаю под облаком,
Просыпаюсь под тучей.
То разбоем, то обыском
Занят ветер.

Послушай,
Узнаю тебя в шелесте,
Пересыпанном солнцем,
В пору бережной нежности
Между нами.

Искромсан
Грозовыми раскатами
Май в несмелой одежке.
Мы сияем под каплями —
Два горошка на ложке.
И, желая слиянного
Счастья в одури летней,
Я кольцо с безымянного
Перекину на средний.

* * *

Цветет картошка. Огурцы
Искрошены в салаты.
Гороха цепкие усы
Добрались до лопаты,
Оставленной у полосы.

И кот потерянно бредет.
Куда? И сам не знает.
Как мир, огромен огород,
Восторгами вскипает,
Едва дождем ополоснет.

Цветы загадочнее звезд.
Давно прошла прополка
И тихо в сумерках борозд.
О чем ни думал только,
Пока тянул морковь за хвост.

★ ★ ★

В одиночестве желанном
Солнца ждал, но поутру
Дом невиданным туманом
Завалило по трубу —
Синим с запада напиган,
А с востока — золотым...
Не найти меня обидам
И проклятиям твоим.
Но с томительным безвестьем
Не смириться, потому
Я простукиваю сердцем
Путь к прощенью твоему.

* * *

Слепит листва, приобретая
Звняще утренний оттенок.
И солнце, тень передвигая,
Сбривает иней со ступенек.

И звезды, собранные в бочке,
Темно мерцают от излишка.
И хмарью марлевой на почве
Колышет легкая одышка.

Оттаяв, горечью запаха
Рябина в бликах паутинных.
Висит копеечная капля —
Зато сверкает, как полтинник.

* * *

Кому приятель, а кому — чужой
На жадной и тяжелой вечеринке
Он женщину назвал своей женой,
Сошелся с ее мужем в поединке
И чуть не поплатился головой.

Как ни обижен, ни разгорячен
Развязанными водкой языками,
Он правым двери выдавил плечом
Пока за левое хватался руками,
Нахальными и сальными причем.

И сразу превратился в темноте
В слепящий облак ледящей пыли.
И те, кто отпустил его, и те,
Кто ждал его далече, позабыли:
Зачем он им и мучается где?

Поземисто морозным сквозняком
Пронизывало с северо-востока...
А женщина летала над столом,
То в зеркало смеялась одиноко,
То затихала в думах ни о ком.

* * *

Любовь к вину не обращал в вину,
И стали сны кошмарнее, чем явь.
Но осень поднесла мне тишину,
На горечи ольховой настояв.
Так небо рассиялось надо мной
И сердце заселила благодать,
Что недруг, обуянный Сатаной,
Понять меня не может и догнать.
По свежеподмороженной воде
Шагаю, не давая для молвы
И ненависти повода, — везде
Пройти он мог за мною, но увы,
Трещит под ним и ломается лед,
Угрюмо замыкаются леса.
Хотя еще вчера наоборот
С издевкою смеялся мне в глаза,
Подсовывал обманные пути,
Запутывал предательствами, но
Открыто — беззащитному среди
Подобных обмануться не дано.

Приют

Не осталось надежды на счастье.
В мире страха, обиды и зла
Не судьба, а беда их, отчасти,
В этом странном приюте свела.
Ходят по коридорам, как тени.
Вон старуха, немая совсем,
Вон старик, у которого деньги
В свой карман положил МММ.
Вот девчонка, которую хамы,
Изнасилив, лишили ума.
К ней приходит усталая мама
И стирает белье от дерьма.
Вот афганец, никак не вернется
С никому не понятной войны.
А когда, обессилив, проснется,
Начинает рассказывать сны...
А когда посетит просветленье
И летят на сиянье свечи
Со шприцом в разбухающей вене,
Как архангелы смотрят врачи.
И куда-то везут осторожно,
Погружают в слепящую тьму,
Где упасть никогда невозможно
И взлететь не дано никому.

Полнолуние

Ты все еще испуган, не привык
Смотреть, не опуская глаз,
Как на кульях мозолистых мужик
Карабкается зло на унитаэ.
Как девушка, в себя погружена,
По лестнице снуёт то вниз, то вверх.
И в пол-окна дебильная луна
Наводит ужас и тоску на всех.
Почти что нереальные в углу
Сквозят в табачном дыме пацаны,
Что в школе еще сели на иглу
Спастиь от необъявленной войны.
И раздраженно-нервные с утра,
В ответ на осужденье и укор
Взрываются, покуда медсестра
Не всадит им смирительный укол.
И жалко их невинного отца,
Признался, бедолага, на суде,
Что, выследив, поджег наркодельца,
Откормленного на его беде.
Подросток у полночного окна
Забылся в полугрезах-полуснах,
А вместо головы его — луна
Сияет на ссутуленных плечах.

* * *

По асфальту листва расклеена.
В свете давешних ноябрей
На гранитном затылке Ленина
Расчирикался воробей.
И старуха, что в жизни видела
Только брешь в своем кошельке,
Обмела пролетарского идола,
Особливо кепку в руке.
Озабочена светлым будущим —
Настающей стужей, она
Сердцем, попусту не бунтующим,
В свои годы погружена,
Где горят в кумачовом пламени
Вместе с лозунгами мечты...
Стало древко родного знамени
Черенком для ее метлы.

* * *

Может когда-то прохожий
Вынет из плотного мха
Камень, на сердце похожий,
И поразится слегка,
Что животворные корни
И капиллярная сеть
Нежной планеты упорно
Взялись его отогреть
И растворить в перелесье
И рассосать под землей
Боль, обратившую сердце
В камень, оставленный мной.

В ночном баре

Давно расхватали другими,
Ты всем нужна и никому.
И даже княжеское имя
Мое не помнишь потому.
Слова и жесты — все чужое.
Капризно пробуешь вино...
А то, что ты зовешь душою,
В коробке с куклами давно.

★ ★ ★

Ю. Григорьеву

Горьким солнцем налитые стебли,
Как пасхальные свечи, тонки.
Не своди меня, Господи, с теми,
Кто и сам онемел от тоски
И кому не хватило дыхания
Пережитое в слово облечь,
Не оставили камня на камне,
Проклиная родимую речь...

Заходя без звонка и без стука,
Никому не мешая, сидим.
Все равно мы не видим друг друга
И не слышим, о чем говорим.
Между нами единственная память.
Между нами не вбить даже клин.
Даже если бутылку поставить —
За двоих ее выпьет один.

* * *

Он долго, томительно долго
Долбился в открытую дверь.
И взглядом матерого волка
Сверлил мою душу: поверь,
Поэты не ангелы — бесы,
Что грохнулись с неба в дерьмо...
Глаза поднимал в поднебесье:
Как холодно там и темно!
Я видел, что дик и подробен
Его мефистофельский лик...
Продай свою тень — и свободен!
Но кто ее купит, старик?
Я, выпустив нить разговора,
Следил, как идет сам собой
Процесс напыленья узора
На стекла вечерней порой.
Давно были вымыты окна.
Разводы от тряпки сейчас
Опять превратились в волокна
Серебряной пряжи, в пейзаж
С лебяжьими звездами в рощах...
Три месяца в рамках окон
Творит своевольный художник.
Но так ли свободен и он?

* * *

Рваные тучи на синем —
Ветхозаветный курсив.
Лиственницами расклинен
Хвойно-спокойный массив.

Осень бледнеет под весом
Мрака с дождем пополам,
Страх, который подмешан
Даже к беспечным словам.

Стали деревьям чужими
Листья, а птицам — края,
Что обживали мы с ними
С мая и до ноября.

В сердце тревога и жалость,
Даль и мятежная высь.
Как мы друг к другу прижались!
Если бы можно — слились.

Невыносимо тоскливым
Тянет сырым сквозняком
Между седеющим ливнем
И легковесным снежком.

* * *

На еловых лапах лес
Взвешивает небо —
Оседающий замес
Птиц, дождя и снега.
Тяжелеет ватный свет,
Свежей стужей вея,
Зябнут — кто во что одет —
Нищие деревья.
Что-то слишком далеко
Забрела в нас осень.
Нет, как пулям в «молоко»,
Отклика вопросам.
Впрочем, осень не суди,
Замыкаясь глуше,
Дважды в реку не войти,
А друг другу в душу.

* * *

Лаковый брусничник пересыпан
Лиственничной хвоей.
Поплыла
По низинно сумеречным зыбям
Паутина сонного тепла.
Небо опустело, но не легкость —
Заселилась в душу немота.
Ветер придержал меня за локоть,
Мол, идешь куда-то не туда.
Я и сам задумался у края:
Все ли вспомнил,
Что пора забыть?
Дым костра, рассеянно плутая,
Одиноко вытянулся в нить.
И возникло тихое желанье
Ни о чем не думать и не знать,
Слово, обретенное в страданьи,
Словно уголь, в кулаке зажать.

★ ★ ★

Несловоохотлива осень,
Про зиму
Беседу никак не начнем.
Зелено-молочные грузди в корзину
С любовным почтеньем берем.
По сухо звенящей осоке спрямляем
Дорогу до первой избы.
Родные собаки
Приветствуют лаем
И передают по цепи.
Медовая плоть огородного солнца,
Вселенская тяжесть плода
Томит и печалит.
И радуга льется
Из облака вместо дождя.

Старая бетонка

Дорога отработала свое.
Истертые до арматуры плиты,
Что вжаты в перелески, но не вжиты,
Срывали автокранами с нее.

Дорога отступала из тайги.
А следом полумертвые квадраты,
Не отставая, заполняли травы,
Затягивали, догоняя, мхи.

Когда же позабыли мы, куда
Вела дорога, то, не опасаясь,
Ее перебежал внезапный заяц,
Рассыпав горсть орешков у куста.

Деревья вознеслись до облаков,
Вынянчивая будущее в гнездах.
Ушла дорога, затерялась в звездах
И в памяти окрестных стариков.

Желанное небо

Четыре осени

Деревья бегут на юг.
И на огородах пусто.
Как невыразимо грустно
По этой причине вдруг.
А тучу исподтишка
Ветер поманит пальцем
И загорит румянцем
Картофельная щека.
Неделю в седой пыльце
Рябины тугие грозди.
И заржавели гвозди,
Забытые на крыльце.

* * *

Сорвался шелест с дерева,
С рябого сентября.
Глядят дома потерянно,
Не узнают себя.
Ржавеет лист по рытвинам
И воздух невесом.
На повороте бритвенным
Полосонет ледком
И срежет паутинную
Надежду — жить да жить,
Пока тревогу зимнюю
Ни вспомнить, ни забыть.

* * *

Поматовела сырость,
Прояснилась вода
И листьями прикрылась,
Не дожидаясь льда.
А ветреное утро
Шершавей кирпича.
И грусть такая, будто
С отцовского плеча.
Поблескивают спицы
В паучьем колесе,
Где стрекоза пылится,
И жизнь на волоске.
Еще мелькнула стая —
Оборванная нить...
И жажду сострадания
Ничем не утолить.

* * *

Смех облетел, словно листья.
Стали серьезными лица.
И в глубине твоих глаз
Долгая осень зажглась.
Стали зависимы что-то
Мы от ненастной погоды,
Тягостны серые дни.
Только пройдут и они.
Выяснит душу предзимье,
Но и оно лишь предсинье.
-Осень, — вздохнешь, а сама
Все понимаешь — зима.

* * *

Немеет предзимье. И в голосе
Звенит огорченный надлом
Травы, перехваченной в поясе
Стремительно тонким ледком.
Над небом рассеянно ивовым
И обморочным — сосняка,
Как двери вагона за именем
Любимой, сошлись берега.
Осталось мятежно и пристально
Глядеть в свою душу и даль,
Пока возвышает, единственно
Что нам не изменит, печаль.

Идолы

✓
Не верой, а поверьями
Силен таежный люд.
Под низкими деревьями
Нас боги стерегут —
Коряжистые идолы,
Раскосы и немые.
Поведали б, что видели,
Да не спросили мы.
Нам далеко до Господа,
А эти — к лику лик...
Но говорить что попадя
Не помышляй при них.
А то не поохотишься,
Хотя и дичь близка.
Уйдешь и не воротишься,
И не пойдут искать.

* * *

На ветвистой стуже,
Хвойной крутизне
Солнце в полукружье
Яблоком в гнезде.

Снег обточен ветром,
Блеском остеклен.
И бежит по веткам
Судорожный звон.

Но причин особых
Для восторга нет.
По зиме бок о бок
Проминаем след.

В сумеречно-ранний
И ранимый час
Даль воспоминаний
Распахнула нас.

Небо сыплет синью
С елей кружевных.
И единой жизнью
Взвешен каждый миг.

* * *

Пока от ватного тепла
Снега мелели,
Не ждал,
Нет, ждал,
Да, ждал тебя —
Дождался еле.

Но застоялась за окном
Парная морось,
Вошли в которую вдвоем,
А вышли — порознь.

Как я метался, как других
Сводил с ума я!
Не оставляй же ни на миг
Меня, родная!

Еще достаточно огня
И век не прожит.
Не жди,
Нет, жди,
Да, жди меня —
Дождешься, может.

Совершенно весеннее

Раскарканная с дерев,
Весна протирает зенки.
Чем шире дверной распев,
Ревнивее взгляд соседки.

На лужах лоскутен хруст,
А лоск обочин чешуйчат.
Шаги мои наизусть
Собаки спросонок учат.

Пока пересвист синиц
Не слит с перецоком капель,
По утру мой путь зернист,
А тени — следы от грабель.

Взрослее гляжу кругом,
Все более созная,
Что город не только дом,
А станция узловая.

Зовут стальные пути,
Гудками тревожат ныне,
Как знают, что впереди
Экзамены выпускные.

И тучи проходят, вкось
Касаясь верхушек сосен.
Просвечена жизнь насквозь
И каждый миг кровеносен.

* * *

Подморозило. И хочется
Поглядеть на звон и сверк,
На источенный игольчато
После оттепели снег.

Перед нами ели вежливо
Лапы сделали по швам.
Стало слякотное месиво
Шипом с хрустом пополам.

Как сочился над макушками
Дождь, покуда я не мог
Капли, пугая с веснушками,
Не целовывать со щек.

Там...

Там, в синичьем феврале,
Звезды ледяные.
От поленниц во дворе
Солнечно доныне.
Там в печали снеговой
И дома-то с улы.
На веревке бельевой
Сушатся сосульки.
Там в рождение мое
Каждый год — морозы.
На деревьях воронье
Не меняет позы.
Вместо дома и плетня
Глушь и ржавь осота.
И по имени меня
Окликает кто-то.

На реке Ух

М. Гаврилову

Даже воробыиной перепалке
Не затмить, что деемся в лесах.
Веет волчьим холодом в распадке,
Но пчелиным зноем — в небесах.

Хлопьями лишайника заляпан
Сумрак, не проветренный еще.
Чуть задену и окатит залпом —
Капельно-пернатый перещелк.

Лес поет, не ведая корысти.
Слушаю, насторожились как
Кисточки на лиственнице рысьи
И рябина в мелких гребешках.

На ольхово-хвойном повороте
Что-то остановится в груди
Над обрывом рыжего болота
С зеркалом небесным посреди.

В глубине висит немая птица.
Широта — захватывает дух.
Если перейти его случится,
Выдохну название речки — Ух!

Я бы к ней со всей своей ребячьей
Радостью, но разлилась — никак.
И крыла стрекозьего прозрачней
Светится затопленный лозняк.

Хорошо ходьбой себя намаять
И понять, сдирая сапоги,
Что теперь разбуженная память
До зимы не выйдет из тайги.

* * *

Ошарашен теплом,
В паутиновой саже,
Снег стоял за углом,
Не выглядывал даже.
По дорогам несло
Шумную мешанину.
Припекало лицо,
Но морозило спину.
Не скупилась весна
На обилие красок,
Ликовала, что на
Ее улице праздник.
А тревожной порой,
Ночью шалой от ветра,
Испугала не тьмой,
А отсутствием света.

* * *

Как независимо и прямо,
Подчеркнуто неуязвимо
Проходит женщина утрами,
Меня не замечая, мимо.

Хранит замшелую обиду.
За что? — не объяснит, наверно.
Но погоди, навстречу выйду
И поздороваюсь душевно,

Чтоб не испытывать утрами
Вины ничем не объяснимой...
Но женщина прошла, упрямо
Меня не замечая, мимо.

• • •

Сыро, мрачно, тепло.
Вместо солнца в рябине
Засветилось пятно
Кружевной паутины.

На неделю, на две ль
Загостило ненастье?
Мухи ломятся в дверь
И жуки разной масти.

И висят, до поры
Незаметные, нагло
Надо мной комары,
Будто спутники НАТО.

* * *

Нависла лиственная масса,
Сомкнула аркой берега.
Из перламутрового пляса
Взошло порханье мотылька.

Острей постреливает солнце
От мрачной близости грозы
И переклик пернатых звонче,
Прелестней шелест стрекозы.

Плыву в согласье и покое
С рекой, впадаю в немоту.
И все тревожное, глухое
Ползет до времени по дну.

Хрен

Как незаметно вырос и окреп
В сыром углу, на мусоре ихламе,
Мотая долговязыми листьями,
Погрызенными гусеницей, хрен.

Он устоял в немилостивый град,
Палящий зной и ледяные росы.
Попробуй корень — вышибает слезы.
И горек он, и странно сладковат.

От огурца до рыжего гриба —
Солениям с ним не угрожает порча.
Не зря хозяйка утверждает: почва...
А я жду продолжения — судьба.

* * *

Еще в затаенном своем
Раздумье, державен и нежен,
Тенями сосняк прослоен,
Косыми лучами прорежен.

И нет ничего на земле
Дороже покоя и воли.
Листва на озерном стекле
Примешана к ряби...
Давно ли

С туманной русалкой впотьмах
Сливались в едином дыханье...
Испариной на зеркалах
Подернулись воспоминанья

И дышат осоковой хной
Подробности зябкого счастья...
Но кто-то дорогу за мной
Отправил с мольбой:
возвращайся!

И сердцем — вниманье и слух
На чутком пороге квартиры —
Врасту в скоростной перестук:
Не ты ли, не ты ли, не ты ли...

* * *

Замолчишь без причины
И невольно представишь
В мягком плеске рябины
Пляску пальцев и клавиш.

Трепет нем, но запальчив,
А в порывах — неистов.
И смятение пальцев —
Продолжение листьев.

Как ни скрытен и робок,
Ясен в перистом свисте
Полупризрачный облик
Страстного пианиста.

Он внушит в одночасье
Обреченным рябинам —
Потянуться за счастьем
За крылом журавлиным.

Но судьбу не обманешь.
Осень тяжкие кисти
Свесит к вороху клавиш
Вместо рук пианиста.

* * *

Осень проветрена досуха
После дождей напролет.
У семенного подсолнуха
Кладка поленничных сот.

Не угадав, что окраина
Вязнет в дорожном желе,
Внуки соседа-крестьянина
Прибыли на «шевроле».

Вспомнили сказку, которая
Про корешки да вершки.
Их с урожаем картофеля
Важно обступят мешки.

Деду, лукавому олуху,
Щедро плеснут коньяку —
Смаху открутит подсолнуху
Собственноручно башку.

К милым потехам готовому,
Деду не жаль ничего.
Вырвет из грядки морковину:
-Вот бы... да вместо свово...

С хохотом выхлоп рассеется,
Эхом растает в лесу.
Долго старик не осмелится
Пальцем потрогать слезу.

* * *

Между тремя и пятью
Утренними часами
С призраками и снами
Бодрого чаю попою.

Синяя рань, не успев
Порозоветь, померкла...
Что ни приезд — примерка
К дому — семейной судьбе.

Запахи после дождя,
Милые в простодушье,
К воспоминаньям тут же
Бросятся, будто родня —

Та, незабвенная, в ком
Сам остаюсь на свете
Частью — еще на этом,
Частью — уже на том.

Воспитание памятью

Едва зачерствелый сугроб во дворе
Расплылся, как масло по сковороде,
И узкая дымка, подобная йогу,
Легла на верхи по еловому логу,
Повис комарами сплетенный мешок —
Подумалось, так ли уж я одинок?

Случайная бабочка на рукаве —
Внимание сверстницы в школьном кафе.
И приступ смущенья отчаянно чуден
И странно уверен, что он обоюден.
На шаг не решился, сдержалась она —
И бабочка выпорхнула из окна.

И новая встреча — смятенье и страх —
Каленые капли дождя на плечах.
И тот же прилив обожаемой силы,
Едва на меня мимоходом скосила
Глаза с интересом ... и день изо дня —
Как ты повзрослел! — убеждала родня.

Довольно рассеян и скрытен весьма,
Я верил, что мне потакала весна,
Что замысел ею желанно разгадан —
И мы оказались пугающе рядом.
Как я оробел, онемел и оглох!
И понял, насколько же я одинок...

Весеннее время вошло в берега,
Над жизнью угрюмо прошли облака.
Но даже сейчас, из отроческой дали
Она меня держит в смятенной печали.
А с нею — досада, укор и любовь...
Стирается память — не старится боль.

Белой ночью

Дорога так долго петляла
В болотах, подернутых мглой,
Что трижды машина попала
Под ливень — он шел по прямой.

Дышала ухабами страха,
Дурманила гнусом тайга,
В которой любая коряга —
Не леший так баба-яга.

Мы знали, куда до потемок
Должны, но успеть не смогли.
Туман по-над озером тонок
От края до края земли.

И звезды рассыпаны густо
В траве до приезда за час.
И люди тревожно и грустно,
Внимательно встретили нас.

Дорога клубком у порога
Свернулась, намаялась всласть.
И как от присутствия Бога
Кругом светлота разлилась.

* * *

Растет муравейник, как время в песочных часах,
Капризней звенит комариная взвесь полумрака.
Когда-то хотел, не на деле еще, на словах
Уехать от леса — от боли, обиды и страха
За лепет наивной листвы, тишину над гнездом,
За тысячи троп, потерявших искателей счастья,
За гибельный шаг лесорубок...

Да кто же о том

Вовсю не кричал, но до правды не мог докричаться!
Когда я родился в березово-хвойном краю,
Там не было леших уже, водяных и кикимор.
Весной с глухарями встречал молодую зарю,
Был радугам рад и цветам, без которых бы вымер.
Нет, не исходить до конца и до дна не допить
Мою, разнотравьем и птицами полную чашу.
К тому же сам лес начинает, мужая, молить,
Шуметь о спасенье моем,
о собрате своем по несчастью.

* * *

Голубичной ягодой лежало
Озеро на дне березняка.
Проливными листьями качала
Мятная одышка сквозняка.

Рвались комариные потемки
На границе с трассой вихревой.
Поезда стучали в перепонки,
Вертолет висел над головой.

Нет очарования в пейзаже,
Где стыдливо прячет комбинат
Выбросы невозмутимой сажы,
Стоки, источающие ад.

Все острее, все нерастворимей
Ощущаю накопленье зла
В рыжиках под сохлою рябиной,
В речке, что дремотой зацвела.

Я воспитан бережной любовью
К северной безропотной земле.
Машет переливчатой листвою
Лето и на сердце веселей.

Отлучи от дружества лесного
И вживи в тревогу суматох,
Затоскую, брошу оземь слово —
И ему откликнется росток.

Прия́тель

Всю жизнь упрямо колесит
По северному краю.
Ничем всерьез не дорожит
И чем живет, не знаю.
До денег вроде не охочь,
Нет ни жены, ни дома.
В дороге — день,
В общаге — ночь.
Характер крепче лома.
Какой же грех его гнетет,
Что он на сердце прячет,
Когда нещадно водку пьет
И песню горькую поет,
И втихомолку плачет?

* * *

Время, время...

Не слово — слова

Мямлит в телеке сытая рожа.

И артист — из пеленок едва —

Перед ним вылезает из кожи.

И давнишний товарищ, теперь

Неожиданно став господином,

В кресло сел, забронировал дверь

И охранников нанял чин чином.

И куда не взгляни — детвора

Щеголяет в чужом ширпотребе.

И в кармане зияет дыра,

И растёт, как озонная в небе.

* * *

Переломил газету пополам —
Страна в раздрае, мафиях и взятках.
И заходил по крашеным полам
В носках, едва заштопанных на пятках.

Над церковью, что бурьяном поросла,
Колокола слышались как будто...
И мысль на душу грешная легла
О новом беспощадном русском бунте...

Бессмысленном, припомнил...
По углам
Пошарил взглядом в поисках чего-то.
И снова посмотрел на Божий храм,
Не восстановленный с 17-го года.

* * *

Нет у России друзей —
Стало с годами понятней.
Чем с должниками добрей,
Тем кредиторы нещадней.
В эту посмотришь и в ту
Сторону — прежнее братство
Более, чем нищету,
Нам не прощает богатства.

* * *

Тишина удерживала листья,
Долго не давала развалиться
По осколкам солнечным сосудам —
Тополям и ясеням,
Покуда
Под напором ветра не распались
До листа...
А трещины остались.

* * *

Мы настолько с тобою похожи,
Что решил по своей простоте,
Кто тебя ненавидели, те
И меня ненавидели тоже.

Но служило одно утешеньем,
Что возможно и наоборот:
Кто ко мне с уважением, тот
И к тебе относился с почтеньем.

Но когда неуступчиво спорим
С ядовитым смешком на устах,
Мы похожи горячностью так,
Как похожи упрямый с упорным.

★ ★ ★

Прости досадную промашку —
На месте памятной тайги,
Гвоздями вбитыми по шляпку,
В кипрейной кипени — пеньки.
Ни голубики, ни лисичек,
Ни, более того, примет
Ребячьей вольницы... и спичек,
Воспоминанья выжечь, нет.

* * *

От пыли ромашки ослепли
И запах укропа исчез.
Коленчато-бледные стебли
Картошки не вынесли вес
Безмолвного зноя — ослабли.

И ягоды сохнут, не вызрев.
И ждут проливного грибы.
И «скорая» мчится на вызов
Мучительной боли в груди —
И сумрак в подъезде анисов.

Осадком железа в стакане
Задымлено долгий закат.
Замедлено зноем дыханье.
Я — тень и на тени распят,
А тень высыхает на камне.

Сыроежки

С причмоком почвой всосаны
Дожди грибного времени.
Но белых, тем не менее,
Я не нашел под соснами.
Не встретил под осинами,
Березами и елками.
Зато столкнулся с синими,
Зелеными и желтыми
Простыми сыроежками.
Внаклонку с передышками,
Вприсядку с перебежками
Набрал корзину с лишком и...
Пусть ахают домашние
И даже теща старая,
Что я грибы на мшанике,
Как пуговицы спарывал.
На кухне тесно запаху
Лесной особой свежести...
Хотите, жарьте к завтраку,
А нет — сырыми ешьте!

* * *

Как только выдохнул хрипяще
Не крик растянутой, а стон
И сотни голосов из чащи
Откликнулись со всех сторон,
Меня сама нашла дорога.
Разгреб над лужей небеса
И страшными глазами Бога
Смотрел, смотрел в свои глаза,
Пока от жадного дыхания
Не искривился божий лик.
И не возникло пониманье
Единственности у двоих.

* * *

В полночь войлочно-сосновом
Обильный ливень в получас
Расхвачан жадно и рассован
И впитан мхами про запас.

А утром студенисто-розов
Над головою мрак, пока
Туман, с разбуженных откосов
Сползая, входит в берега.

И тают призрачные хляби,
И дышат заводи, дразня,
То серебром сорожъей ряби,
То зябким золотом язя.

Уже ни выплеска, ни складки
На знойном зеркале реки.
И от, упасть грозящей, капли
В душе расходятся круги.

★ ★ ★

Мне хватало с самого начала
Вербы опушенной по весне,
У которой ты меня встречала,
Прыгала, с разбегу обнимала,
Несказанно радовалась мне.

Были годы тяжелее глины.
Шел по жизни, по колено вяз.
И увяз бы, в бездорожье сгинул,
Если бы не твой зелено-синий
Оклик колокольчиковых глаз.

Из тревожной горечи и злобы
Всеми позабытый и чужой
Я шагал сквозь лужи и сугробы
По унылым переулкам, чтобы
Прислониться к ангелу душой.

И когда обрадованно брызнет
Смех ребенка на родном углу,
Ты прости, суровая отчизна,
Я давно не плакал в этой жизни,
Но теперь сдержаться не могу.

Дожили, душа моя, на свете
Есть кто ждет и нами дорожит
На желанно солнечной планете
И под вербой, в юное одетой,
Нас обнять распахнуто спешит.

Видение Храма

От бабьего лета и до Покрова
Иконно-смиренная осень
На ярмарках покрасовалась едва
И стала прозрачною вовсе.
Лучась благодатью,
Поведал старик —
Монах ли, прораб ли, блаженный? —
О храме,
Который без веры воздвиг,
И стал ему раной душевной.
Отныне пророчит,
Упрям и весом,
И ни от кого не зависим,
Что вскоре разрушим,
А верой спасем,
И только любовью возвысим.
Рукой указал
И увиделся Храм,
Резьба по кирпичным карнизам...
И странно реальный
Строительный кран
В святое видение вписан.

* * *

Как столетие назад,
Сосны жарки и царапки,
На пригреве у маслят
С полкартофелины шляпки.

А глухарь, тяжел и сыт,
С ветки снимется — и долот
Лиственничный пересып
Мягких солнечных иголок.

Затянуло память мхом.
С маху не соображаем,
Где плутаем с лесником,
Вечным дедушкой Мазаем?

Месим грязь, считаем пни,
Планы, брошенные в спехе...
Нам не выйти из страны,
Что гремела в прошлом веке.

Нас давно забыла власть
В суматошном — врать и жулить,
Потому что ни украсть
Мы и не покараулить.

Нам одна судьба — в тайгу,
И хранить себя подоле...
Мимоходом ель пригну —
Аж поморщится от боли.

* * *

Мы свободны! Свободны? Свободны...
Подросли на полметра заборы.
Стали псы за воротами злобны,
А в воротах мудреней запоры.
Были ночи — по городу шляюсь,
Безмятежен душой, беззаботен.
А теперь по углам озираюсь,
Саданут по башке и... свободен.

• • •

Оставил дом — углы для паутины,
Чердак для птиц, подполье для мышей...
Куда ни встанет в доме, середины
Не ощущал ни в мире, ни в душе.

Ни топору, ни верному рубанку
Не рассудить душевные дела.
И сбросил с плеч рабочую рубашку,
В которой мать счастливым родила.

И пошагал через холмы и поле,
Нужду и горе к Спасу-на-крови.
У храма оглянулся поневоле
На голос дома — брошенной любви.

Дом окнами сиял, цвели ромашки
И сын крутил педали по двору,
И обнимала женщину рубашка
Пустыми рукавами на ветру.

Стихотворение

Ночью снег почти невидим.
Только марлевая мгла.
Только по щекам небритым
Холодящий мах крыла.

Только ты из поля зренья,
Заволакиваясь в тишь,
На поля стихотворенья
Перебраться норовишь.

Погоди же, там деревья
Бестелесные давно,
Перемалывает время,
Чему сбыться не дано.

Там видения былого,
Наши мысли и дела,
Отчужденные от слова —
Белый пепел и зола.

Не спеши за грань забвенья,
Оглянись через плечо,
И размер стихотворенья
Удлиню на слог еще.

Но дыханья не замедлишь,
Заволакиваясь в тьму.
Потому ли, что не веришь
Больше слову моему?

Если встретимся наутро
В первой строчке февраля,
Оцени светло и мудро,
Как чисты мои поля.

В декабре

Едва за полдень — вечерю,
Болтливой сутолокой сыт.
И дым, вытягивая шею
Перед закатом, сановит.
Шаги пронзительнее вскарка,
Увеличительно чисты.
И спор бригады в автопарке
Полмира слушает почти.
Пропах этилом от опилок
Мороз и страхами тайги.
А мимо с грохотом копилок
Летят маршрутные такси.
Скорее с улицы — за угол,
Где тополь в инистом пуху
Над крышей облачно округл,
Еще с румянцем на боку.
Минута и сверну к подъезду.
Глаза привычно подниму,
Увижу вместо неба — бездну.
И в душу самую приму
Манящее мерцанье тайны
В невыразимой светизне —
Как одинока и случайна
Жизнь человека на земле.

* * *

Е.М-у

Голова уже в реденькой дымке.
Но остались с проклятых времен
В разговоре и бабы ужимки,
И плаксиво-просительный тон.

Будто время тебе по заслугам
Не воздало доныне, зато
Я спросил, почему тебя другом
Называть не желает никто,

Почему в окружении близком
Вспоминают, как некий нахал
Перед властью заискивал слишком,
Шею гнул и ковры расстилал?

Нам порывы завистливой лести
Были странными со стороны.
Потому твоей искренней песне
Не давали высокой цены.

А теперь, когда прожил полвека,
И сидишь оглушенно тверез,
Я хочу разглядеть человека,
Что заплакал в ответ на вопрос.

★ ★ ★

Жизнь прошла.
И вырос бор
В пересвисте птичьим.
Разрешился долгий спор
Вальщика с лесничим.
Было время — нарасхват
Шла тайга...
В итоге
За маслятами спешат
По одной дороге,
Но по разным сторонам,
Все еще сердчая...
Улетел архивный хлам
С дымом иван-чая.
И дорог как таковых
Тоже не осталось.
Вырос бор, чтоб вас двоих
Примирить на старость.

* * *

Накрыло туманным теплом —
Тревожно повеяло прошлым.
Мотает малинник тряпьем,
На ветхие листья похожим.

По-жабьи прижалось в тени,
Что было вчера еще снегом.
Капризно рассеяны дни
И ватно прихлопнуты небом.

С возвратом постылых забот
Немедлен апрель и настырен:
И дождь с потолка, и забор
Вороньим крылом растопырен,

И сад до того неказист
В парном перегное и сыри,
Что щебет пернатых и свист,
Как из параллельного мира —

Где невозмутимо легко,
А мысли о счастье излишни.
Там я далеко-далеко —
И в прошлой,
и в будущей жизни.

Ночь проездом

На вокзале счет минут
В ту и в эту сторону
Равно медленно ведут
Местному и скорому.
И не важно для того,
С запада он, с севера,
Или даже одного
Ожидают семеро...
Будет полночь без пяти.
И займу законную
Шириной с билет почти
Тишину вагонную.
И потом во всю длину
Перестук-мелодию
Сон старинный затаю
Про любовь и родину.

Сан. «Тараскуль»

Озеро под жаркими
Днями без одышек
Шевелило жабрами-
Листьями кубышек.

На отлогой отмели
Рыбаки в разброску.
Где-то ходят окуни
Шириной с ладошку.

Одиноким умником
Маюсь между сонным
Комариным сумраком
И пчелиным зноем,

Слушаю до вечера
По лесным развилкам,
Как стрекочет весело
Газонокосилка.

Радостнее паники
Не представлю — плена
Медоносной памяти
Скошенного сена.

Синица

Широко и размашисто слишком
Просверкал по лесам проливной.
Разогнал по замшелым подмышкам
Комариный назойливый зной.

И в душе посвежело, и точен
С маху взятый синицей восторг.
Покатились бодрее картошин
Боровые грибы на припек.

Под корягой огонь раздышали —
Боязлив он, а пень сыроват —
И дымка невесомые шали
По березкам пошли нарасхват.

Что не смыло небесным потоком,
То в земном догорело огне.
Не смутить бы теперь ненароком
Благодатную ясность во мне...

И домой!
Иномаркам без страху
Обгонять мою «Ниву» дано.
Если б верил, что деньги не пахнут,
То на «ВАЗ» бы я плюнул давно.

И нашел способ тысяча первый
Жить — богат, хамоват и мордаст.
Только совесть, известная стерва,
Спать спокойно, пожалуй, не даст.

Город быстро меняет свой облик,
Ввысь растет, созидательно свеж,
Где с бараком советским бок о бок
Торжествует нахально коттедж.

Не читал бы газет, не смотрел бы
Бестолковые шоу ТВ,
То свое, не в своей как тарелке,
Не держал бы в своей голове,

Не стремился — куда бы укрыться:
Тут — вранье, там — заносчивый бред...
Но услышал, запела синица —
И правдивее голоса нет.

В тумане

Пухово скомкан гомоном
В разбуженных осинах,
Туман вставал над омутом
И таял, встать не в силах.

Сквозь переборы шелеста
Мгновенные проныры —
Лучи слоились щелисто
Пластинами прямыми.

Зернилась кромка берега
В осоковых начесах.
И тень большого дерева
Стояла, словно посох —

Опора деду босому,
Что с облаком заплечным
Шел по воде, как посуху
Путем едва не млечным.

Невидимый поблизости
Вдали — в лохмотьях синих,
Он множил рыбы выплески
Из-под шагов незримых.

Как сердце мое взохало,
Смутилось ненароком,
Когда ступил он походя
На поплавок с прискоком.

* * *

Поедем на озеро Щучье,
Где в шляпах по самые лбы
Стоят толстопято на круче
Во мху боровые грибы.

Рассеяно солнце по хвое,
А тени — по сонному дну.
Где прежде плутали мы двое,
Пойми, каково одному.

Поедем на озеро Щучье,
Там шустрые бурундуки
По кедрам снуют вездесуще
За шишками вперегонки.

На просеке рдеет брусника
И клюкве поспеет черед.
На озеро осень-портниха
Заплату к заплате кладет.

Поедем на озеро Щучье,
Там все еще шепчет трава
Блаженно, тепло и пахуче
Забутые нами слова.

И были шальные нападки
Дожей пузырясто легки,
И летние сумерки кратки,
И сны о тебе коротки.

* * *

Дорога к тебе — электричка,
Трамвай до конечной, лифт.
Погасла последняя спичка.
И вспыхнул осиновый лист.

Он сорван тебе у подъезда —
Восторга осенний лоскут.
Но, мимо дремотного кресла
Упав, огорченно потух.

Отвечу бывалой любовью
На пытку заученных ласк!
Но переглянулись с тобою
Бесхитростные зеркала.

И стало досадно и странно:
В какое ни гляну из них —
Блится одна постоянно,
А я ни в одном не возник.

Наверно, и сам я всего лишь
Твое отражение и вздох.
Отпустишь, когда соизволишь,
И тенью скользну за порог.

Очнусь в электричке осенней,
Пока беспечальный вполне
За слоем твоих отражений,
Свое не увижу в окне.

Желанье снега

Еще не снег — желанье снега.
Предчувствиями окрылен,
Проснусь, томительно яснея
Одновременно с трех окон.

Обычно с северо-востока
Хлестал исчадьем светлоты...
А нынче, медленно и строго,
Благословенно — с высоты.

Лишь половина каравая
Растет, воздушна и пышна,
На подоконнике — другая
Растет, стеклом отражена.

Пока еще все кошки серы,
А птицы чуткие немые,
За веерным распахом двери
Облепят хлопья кутерьмы.

И вознесет неумолимо
Давно желанная мечта —
С утра за сотворенье мира
Приняться с чистого листа.

Где ни корысти, ни расчёту,
Не место горестям и злу...
И с этой тайною — под щеку
Крыло засуну и засну.

Весенний день осени

На небе волчья рвань.
Поземка у калитки
Вытягивает грань
Сугроба, как по нитке.

На лужах чист ледок —
Пока идешь, беспечен,
Стреляет из-под ног
Кузнечиками трещин.

То осень, то весна,
А то подступят вместе...
Так с музыкой слова
Соперничают в песне.

Тревожно пролетят —
На юг ли, север? — стаи.
И грустно не попад,
И радостно нехстати.

В проталинах поля,
А высь в прогалах сини...
Какое ж мартобря
На численнике ныне?

Обь

В апреле ночью минус,
А утром — плюс капель.
Готовит льды на вынос
Речная колыбель.

Вода с отливом бронзы
В заторах верещит,
То облака, то звезды
В промоинах кружит.

Вот-вот шальные силы
Вовсю расхлынет Обь,
По неоглядной шири
Стать равной небу чтоб.

* * *

Заря по горизонту
Перетекла в закат.
Еще еловый контур
Отчетлив и крылат.

Окисленную медью
Слегка очерчен лес.
Мгновение помедлю —
И не узнать небес.

Насупилась округа.
И даже в двух шагах
Мрачнеющего друга
Не узнаю никак —

Он смотрит за деревья,
Сквозь память и меня.
Остановилось время
И ждет, не гасит дня.

Пропущенное слово

Писал поспешно, бестолково.
Перечитал накоротке,
Нашел — пропущенное слово
Зияло бездною в строке,
Ухабом посреди дороги,
На льду озерном полыньей...
Затем уверенные строки
Бежали ровной колеей.
Ты вовремя остановился
И вставил слово потому,
Чтоб человек не провалился,
Идя по следу твоему.

Чемашур

Залезу на крышу: куда,
Теряясь за дымчатым лесом,
Вразвалку пыхтят поезда
По узко положенным рельсам?

Как наша округа тиха,
Забыта дождями и властью.
Собака в тени лопуха
Скучает с разинутой пастью.

Коровы лежат у пруда.
Молодка плывет от колодца,
Расплескивая из ведра
Излишки тяжелого солнца.

Текуча дорожная пыль.
Пастух, проклиная погоду,
Чтоб не рассыхался, костыль
Почти до культи сунул в воду.

Полвека, как нет меня здесь,
В поселке на зрелища бедном,
Начало которому — лес
Медвежий еще, заповедный.

Две бабки, три дядьки и три
Сестренки, да братьев ватага —
Так много шумливой родни
И рядом — не будет, однако.

А впрочем, давно уже нет
В живых и лесного поселка.
И только от вырубок след
Горчит временами, и только...

* * *

Пала вода, растерянно
Мрачное дно обнажа.
Будто на пятый с первого
Переселен этажа.

Пни да коряги с тиною-
Детские страхи мои...
Станет одной морщиною
Горше на лице земли.

* * *

На озере в серебряном предзимье-
Ни вогнутом, ни выпуклом досель-
Мерещимся друг другу посредине
Вневременья, за тридевять земель
От зеркала — в изысканной гордыне.

Ты смотришь вниз, а я гляжу на небо,
А видим все равно одно и то ж.
И даже: ты — направо, я — налево,
И даже, если правый не похож
На левый берег — говорить нелепо,

Что не устроена судьба и бестолкова,
Что я не тот и ты уже не та,
Что нет тепла, надежности и клева...
Что необъятна в сердце пустота,
Которую заполнило бы слово,

Но я не тот и ты уже не та....

* * *

Когда не знаю, что творю,
И мается душа,
Крючок закину в тень свою
И вытащу ерша —
Колючий вид — тоска и злость —
Не трудно оробеть...
Как долго, милая, пришлось
Таким меня терпеть!

Лесное утро

Из мешковатой паутины,
Посеребренной сентябрем,
По горстке бисера и дыма
В свои корзины зачерпнем.

И не успеем удивиться,
Как, озабоченно ловка,
С плеча вертлявая синица
Прицельно склюнет паука.

Из синей сутеми черники
По кромке, а не напролом,
В сановной сытости топтыгин
Прокосолапил босиком.

Без недоверья и боязни
Шагаем в радужную тьму.
И даже тюбик едкой мази
От насекомых ни к чему.

Кружат стрекозы с интересом,
Вильнула ящерка по мхам...
Мы этот мир назвали лесом,
И он целительней, чем храм.

Он жадного приучит к мере,
А легкодумного — к тропе,
Убережет от суеверий
Разочарованных в себе.

Ложатся тени над теченьем,
По счету равные лучам, —
По ним, мерцающим ступеням,
Господь нисходит по уграм.

* * *

Пестрят осенние ковры.
Лед в колеях по струнке.
Ветвится дерево, как взрыв
На внуковом рисунке.

Мороз дубеет. Перед ним
Меняет день окраску.
Котельная, не хилый дым,
Выдавливает пасту.

В крапивном инее леса
И тишина — до неба.
А из Приобья поезда
Уже в лохмотьях снега.

* * *

Если ржавый гвоздь посеребрен,
В гнездах тишина зазимовала,
Звездная мозаика окон
До весны единственной стала,
То куда б ни шел — не дохожу,
Где бы ни бродил — иду по краю,
Что бы ни искал — не нахожу,
С кем ни повстречаюсь — не узнаю.
Далека зима, а между тем
По ее негласному указу
Лес раздели — дом лишили стен,
И со всех сторон я виден сразу.

* * *

Медленной улитки
Проползла слеза
В уголок улыбки.
Ни домов, ни улиц —
Хвойные леса
Под дождем пригнулись.

Больше не приеду
В бабушкину глушь
По сырому лету.
Никакому ветру
Я не отзовусь,
Никакому следу.

И куда тянулась
Память столько лет,
Если вместо улиц —
Вспаханное поле
Да осенний лес —
Ни тоски, ни боли.

Яблоко детства

Солнце слева — рассвет.
Солнце справа — закат.
Проявился их цвет
На зеленых боках.

Детство помнит горох,
Помидоры да лук.
Слева — сосны да мох.
Справа — речка да луг.

Проливные дожди
И густое тепло
Через годы дошли
И наполнили плод

Духом гроз и полей,
Светом рос и комет
Тех безоблачных дней
И безъяблочных мест.

* * *

А. Губанову

Шелестящего цвета стрекоз
Друг за другом прошли грибные.
И в прогалинах лесополос
Замелькают корзины отныне.

Не аукался б пришлый народ,
То совсем была б тихой охота.
Только шепот листвы, только под
Сапогами хрустящее что-то,

Только дальнего поезда стук
Отзовется забытою скукой,
Только сумрачен день, только друг
Молчалив, словно перед разлукой.

* * *

Пали дороги.
Снега обросли
Серым стекляннм мхом.
В береговом сосняке обрести
Ясную память о том,
Как под иглистыми кронами жил
В детстве, не ведая грусти,
И голубику домой приносил
В шляпе замшелого груздя...
Крепкие травы.
Просеянный дождь.
Рыжие белки по соснам.
С пасмурным сердцем сюда забредешь,
Выйдешь с ромашковым солнцем...
Часто дороги к деревьям ведут,
Будто на родину рвешься.
Веришь, там сосны упасть не дадут,
Если от боли качнешься.

* * *

С напором юного тепла
И к нам весна явилась.
И тень березы ожила —
Ручьями разветвилась.

И слышится до темноты,
Как бредит за отрожем
Болото, полное воды,
Своим озерным прошлым.

Когда просушен косогор,
Проветрен сумрак сосен,
Системою кротовых нор
Ручей последний всосан —

Притихла дремная весна,
Несуетливы птицы.
В еловых лапах тишина —
В ежовых рукавицах.

В глубь перегноя и песка
Ушла весна от света
К личинке майского жука
И корню первоцвета.

Чтоб из сумятицы земной
До пересверков звездных
Заполнить мир живой листвою,
Расталкивая воздух.

Белый сон

Облака шатают с боку на бок —
То дождем окатят, то крупой.
И черемуха стряхнула запах
Вместе с лепестковой чепухой.

Белыми холодными ночами
Забываюсь в зябком полусне...
Вспыхнешь обнаженными плечами
И плывешь заманчиво ко мне.

Не колыша трав и не сминая,
Из туманно девственной глуши
Подойдешь, дыханьем обжигая:
-Как ты меня любишь, расскажи?

А глаза полны такою болью
И таким отчаяньем горят,
Что тону в них со своей любовью
И едва ли выплыву назад.

-Разве можно рассказать об этом? —
Обнимая с нежностью, шепчу.
Но сквозь душу протекаешь светом,
Лунному подобная лучу...

Снова день и ветренен, и зябок,
Непонятно из чего рожден —
Облака шатают с боку на бок —
То крупой осыпят, то дождем.

На душе тревожно и туманно,
И неверен слух, и нет огня...
Только сон и ты в нем постоянна,
И неуловима для меня.

* * *

Душа не спит, а волком воет,
Когда на миг забудусь сном,
Совсем не ведая о том,
Как это близких беспокоит,
Пока внезапно не проснусь
От крика, выдшего наружу.
Кто это был? — спрошу я душу.
Шагну за дверь и оглянусь
На плач жены, на оклик сына,
На взгляд дочурки. И пойму,
Как страшно и невыносимо
Им жить со мной в одном дому.

* * *

Июнь и юность.
В холодке
Вздыхает впалая палатка.
Барахтается жук царапко
В лениво сжатом кулаке.
Гудит из раструба вьюнка
Шмелиный баритон натужно.
И торопить судьбу не нужно,
Когда любовь совсем близка.
Она, кухарствуя для всех,
Одна прекрасно понимает,
Кому ответно отражает
Березово-озерный смех.

* * *

Обнимешь люто-лунный
От лютиков откос
И кипень кашки юной
С ромашками вразброс.
Июнь, ни капли смысла
Не растеряв, сберег
В сверканье пересвиста
Забытый мной восторг.
Не думалось, не снилось,
А вспомнилось: скажи,
Твое ль во мне хранилось?
Мое ль в твоей глуши?
Шумит лесное время,
В котором те сильны,
Что, говоря со всеми,
Самим себе верны.

* * *

Раздвинь травостойные дни,
Устами к июлю приникни,
И в липовый лист заверни
Пахучую горсть земляники.
Вечерняя зыбь духоты
Лучами нарезана тонко.
Пора, говоришь, уходи.
И платье оправила только.
Я вымок, продрог и просох,
На озере ночь коротая,
Как звезды, огонь и песок,
И ветер, любовь принимая.
Июль посредине открыт.
Дорога закладкой лежала
Меж озером, темным на вид,
И лесом, прозрачным от жара.
И снова в траве наугад
Тонули, сбегая с откоса,
Пока не открыло до пят
Обоих волной сенокоса.

★ ★ ★

Тополя ерошили под ливнем
Бледные подмышки. Посмотри,
Как ныряют выводком путливым
Под ноги проходим пузыри.

Как сомкнулись нити равновесно
В золотое, бисерное сплошь,
Как, зонтами выстригая место
В сутолоке, вымокнуть пришлось.

А потом — ознобом по деревьям,
По ручьям плетеным — в перепляс,
Судорожной нежностью по нервам —
Солнышко преследовало нас.

А когда случайно оглянулись
На закат, а может, на восход,
Как оно протяжно улыбнулось
Нам во весь широкий горизонт.

* * *

Отзвучат твои шаги
На заре
Тротуаром в три доски
До-ми-ре.
Разлетятся под откос
С городьбы
Вместе с шелестом берез
Воробьи.
Тучи воду принесут
В решете,
А сороки — бабий суд
На хвосте.

* * *

В тополях, на ветру распятых,
Тяжело шелестел закат.
Мы поеживались в объятьях
Сумасшедшего сквозняка.
На асфальте пестрели лужи
Продолженьем сквозных витрин
С ледяной огранкой снаружи
И тревожным небом внутри.
От чужой вокзальной мороки
Наворачивалась слеза,
Потому смотрели под ноги,
Избегая, — глаза в глаза.
Час у нас на двоих, не больше —
Мы достойно переживем.
Будет жизнь у каждого после
Потаенно жалеть о нем.

* * *

Ушел побежденным, приник
К окну, беззащитно усталый.
И наполовину, пожалуй,
Тебя уже нет среди них,
Где чаще не цельность души —
Заботит нацеленность слова.
Победно притихли. И снова
Заточены карандаши.
Когда возражаешь опять
Воинственно-наглой дружине,
Как бьешь по упругой пружине
И зла не хватает — сломать.

* * *

Е. Вдовенко

Прошла зима, еще зима, еще и
Ударило веселым ветром в щеки,
Пшеничным жаром жилистых досок
И бревен, навороченных горбато
Под кранами запущенного склада,
Где навести порядок недосуг.

Тощает лес, зато жиреют свалки,
Где бродят очумелые собаки
И воронье, как мухи на дерьме.
Но сколько можно говорить об этом!
Я дома. Курим с пожилым поэтом
И радуемся тающей зиме.

А заодно распутываем снасти.
Поскольку не предвидится ненастье
И голубы окрестные снега,
Решаем на попутках спозаранку
Умчаться на подледную рыбалку...
На рынке нынче рыба дорога.

Но гонит нас, что рыбы подороже...
Нарубим елок-палок, в кучу сложим,
Костер затеем прямо на снегу.
Невольно посветлеет сочный сумрак.
И полетят, и полетят из лунок
Ерши в котел и окуни в уху,

Куски картошки, луковица с перцем,
Лавровый лист. И по сто грамм с прицепом —
Перекипает варево в котле...
Подумаем, но говорить не будем,
Что кроме быта и немилых буден,
Есть звезды, лес и речка на земле.

Что это все вошло однажды в душу,
Щемит в груди и просится наружу,
Бросая то в отчаянье, то в дрожь.
И веришь, не стихами — миром правишь,
Который внукам навсегда оставишь,
С которым плачешь, мучишься, поешь.

В столе томятся грустные поэмы.
А если не востребует их время,
А внуки — старомодными сочтут?
Тогда чем оправдаешь перед Богом
И пьянство, и скитанья по дорогам,
Бессонницу и горестный уют?

О, как же время все-таки жестоко!
Но только солнце брызнуло с востока,
Лучами иглы сосен удлинив,
Заставило — какое из мгновений? —
В предчувствии духовных озарений
Тебя уединиться, все забыв,

В сиянии, миллионами воспетом.
И не понять: на том или на этом
Прекрасном свете, дорогой чудак,
Бормочешь и бормочешь мысль простую,
Что ничего не может быть впустую,
Бессмысленно, напрасно, просто так...

* * *

Зимой — мороз под сорок,
Весною — грязь и морок,
А летом нет тропы,
Не звавшей по грибы.
А позже — по орехи.
Привык, чем уже реки,
Тем гуще рыбы в них,
Ершей и щук самих.
Земля — песок с опилом,
Вода — железо с илом,
А небо — снег с дождем.
И лучшего не ждем.

Бригада без работы
Сидит и ждет погоды.
А лес — наоборот —
Тем временем, растет.
И веселяют травы.
И мне приятно, право,
Я даже больше — рад,
Что шепки не летят.
Пою и птицам внемлю,
Покуда держит землю
Тайга в своих корнях
И небо — на плечах.

Судьбою — здесь

И ныне, когда природные кладовые Тюменского Севера интенсивно эксплуатируются отечественной и мировой экономикой, здешние земли в сравнении с отечественными весями, находящимися западней и южней, заселены куда разреженнее. А вот стихотворов на тысячу жителей «безъяблочных мест», по-моему, больше, чем в «среднерусских краях». Таких подсчетов, понятно, никто не вел, да и случись они, моя гипотеза могла и не подтвердиться. Но в нее хочется верить. Ведь, какими бы ни были здешние зарплаты, а постоянно жить среди болот, тайги и гнуса только из-за северного рубля не станешь. Надо ощущать свою причастность к этим местам. Иными словами, изведать то состояние, которое житейской прозой едва ли выражаемо.

Владимир Волковец живет на Севере. Точнее — живет Севером. И пишет естественную для местного обитателя лирику. Прописанный «судьбою — здесь», он воспринимает себя доверенным лицом этой земли. И потому ему внятна логика и вальщика леса, и лесничего — при несомненной их альтернативности. Своим словом поэт помогает обживанию этих впечатляющих масштабом и богатствами пространств. Притягательность еще недавно тут господствовавшей нетронутости безусловна:

*На еловых лапах лес
Взвешивает небо —
Оседающий замес
Птиц, дождя и снега.*

Но человек оказался на этих просторах не ради созерцания редкостной заповедности. И дар понимания дивного голоса природы не препятствует лирическому герою осознавать неизбежность цивилизационного вторжения в некогда девственный мир. В этой книге немало горестных констатаций того, что «на

месте памятной тайги, / гвоздями вбитые по шляпку, / в кипрейной кипени — пеньки», или того, что

*Нет очарования в пейзаже,
Где стыдливо прячет комбинат
Выбросы невозмутимой сажки,
Стоки, источающие ад.*

Но не меньшей горечи и боли на страницах, фиксирующих поглощение человеческого природным, когда приходится видеть «вместо улиц — / вспаханное поле / да осенний лес»,

Не склонный к умозрительности и философичности, Вл.Волковец отстаивает необходимость человеческого присутствия в мире. Человеческое при этом понимается именно как человеческое. Гуманное. Мир в своей первозданности, без человека, — не прекрасен. Он — никаков. Не увиденный и не услышанный, не запечатленный в красках и словах, мир пребывает неведомым для самого себя. Он нуждается в человеке. Нужда эта, конечно, сопровождается налогом, растущим день ото дня и грозящим стать для флоры и фауны непосильным. Но, сознавая, что «земле ее бытую тишь / не возвратишь» (Л.Мартынов), автор книги не о той поре тоскует, когда мог «не за лесом приехать, а в лес», но о согласии этих миров — природного и человеческого. Согласии, обусловленном единством всего живого. И не экспансия человеческого грозит сущему катастрофой, а нехватка человечности.

Строки стихов, как могут, сопротивляются росту этого дефицита. Подчас автор прибегает к прямоте публицистического высказывания, однако обличительные тирады о том, что «страна в раздразе, мафиях и взятках», ныне воспринимаются не иначе, как комариное жужжанье, да и дар этого стихотворца — совсем не плакатного толка. О злободневном журналист Вл.Волковец пишет в редактируемой им районной газете — а помеченные этой фамилией стихи притягательны силой не возмущения, а восхищения.

Музыка лада для лиры стихотворца органичнее, нежели дисгармонические аккорды: «С пасмурным сердцем сюда забредешь — / выйдешь с ромашковым солнцем». Чувство справедливости жизни — основополагающее для различных по первоначальному импульсу стихотворений этой книги. Владимир Волковец — поэт жизнеприятия. Он верит в возможность гармонизации бытия. Хотя бы на какие-то мгновения. Их и запечатлевают его строки.

Ими утверждается одушевляющее родство всего живого. Это утверждение себя осуществляет как на уровне тем и мотивов (естественная общность человека и природы, кровные узы, связующие героя с матерью, отцом, братом, товарищество внутри рабочего коллектива), так и на уровне образом, когда уверенная вязь метафор совмещает в ткани стиха то, что взаимоотражается в самой реальности.

Дар «пережитое в слово облечь» произведен от способности воспринимать сущее образно — в единстве сколь органичных, столь и неожиданных переходов, контактов, сближений. О чем бы ни шла речь на этих страницах, почти всегда возникает чувство подъемной силы поэзии, возвышающей над будничной привычностью, но — что примечательно! — не игнорирующей ее.

В стихах того, кто, по собственному признанию, «в рабочей рубашке родился», немало примет производственного антуража. Как некогда Пастернак не стеснялся в лирических признаниях «рубанков, снастей и пицалей», так Волковец благоволит не только деревьям и птицам, но и «поршням», «сварочным аппаратам» и прочим атрибутам «жизни мазутной». В его стихах «бегут с нарастающим свистом составы», «брызгами электросварки / глубоко засеян снег», а «бензопилы тревожный визг / деревья кинет в дрожь». Что говорить, из-за усердной мобилизации подобных «техсредств», и превращающих «природу / в тонны, метры и кубы», многое на планете исчезает, подчас невоспол-

нимо. Но ведь, согласитесь, и без этих «тонн, метров и кубов» ныне человечеству не выжить. Торжество лада утопично. И все же на то и существует поэзия, чтобы намекать реальности на достижимость гармонии — хотя бы в стихотворных строчках.

Посмотрите, в каком согласии с человеческим миром мир природный в такой «весенней» строфе:

*И на крыше снеговой,
Как на парне крепком,
Вместо шапки снеговой
Серенькая кепка.*

А вот как запечатлелась чуть более поздняя пора:

*Птицы озвучили лес.
И под окошко утром
Верба спустилась с небес
Солнечным парашютом.*

Автор этой книги особенно расположен к восприятию переходности: от зимы — к весне и от осени — к снегу, от природы — к человеку и от человеческого — к природному. Вот почему в апреле «глазки у сестры, / как раскрывшиеся почки, / любопытны и остры», а тополь, в свою очередь, оказавшись под дождем, «слился ветвями / с благодатной водой, / словно спрятался в мамин / шелестящий подол». Вот почему и сам поэт, оглядываясь на собственное детство, пишет: «Помню: рос, а по соседству — / сосны, вербы, тополя». Вот почему и любовная драма напрямую соотносится с природными метаморфозами:

*И осени огромный лист
Рассыпался на листья,
И женщины забытой лик
Рассыпался на лица.*

За единичными исключениями стихи в книге не датированы. Да они и не нуждаются в календарной прописке — не потому, что парят во внеисторичном вакууме, а потому, что и без ци-

фирных подсказок строчки внятно сигнализируют о времени своего возникновения.

Четверть века назад мне довелось откликаться на рукопись едва ли не первой книги Владимира Волковца, как было в ту пору принято, внутренней рецензией. И я тогда открыл для себя автора, наделенного самобытным поэтическим мировосприятием. Спустя годы рад новой встрече с его стихами.

В известной многим работе Шпенглера есть прогноз о том, что на смену западноевропейской культуре придет иная, названная русско-сибирской. Те чувства и состояния, что запечатлелись на страницах «Весеннего дня осени», давнюю версию немецкого мыслителя, сегодня воспринимаемую еще более дискуссионно, чем в пору ее озвучивания, посильно, на мой взгляд, поддерживают.

Леонид Быков

Содержание

Югра	4
Поезд на Север	5
Хрустим ржаною корочкой дороги...	6
Весна за воротами цеха...	7
Заблестела земля в гараже...	8
Широко идет весна ...	9
В дороге	10
Коровы	11
«Все, шабаш»,— приедешь вечером...	12
Чубом из-под кепки...	13
В муку размолота морозная дорога...	14
Вчера рассчитался с работой...	15
Как силовые магнитные линии...	16
Воробы	17
Шофер	18
Дрова	19
Начало	21
Мороз	22
Рассеянно сыплет...	23
Частушка	24
Полночь	25
Суховатая, вязкая стужа...	26
Не повезло в любви...	27
Печка	28
Март выплеснет тени из леса...	30
Маневровый	31
Потянулись птицы к северу...	33
С неба снег, а с крыши дождь...	34
Снег сошел. Сгребаю в кучу...	35
Капля	36
Спускается лес к моховому болотцу...	37

В комариной дымкою повитом...	38
Из солдатских писем	39
Засохли старые березы...	44
Что творится, обидно до жути!	45
Южанин	46
Фронтальная ложка	47
Железо	48
Сапер	50
Инвалид	51
Схолодало. Ноябрь продул...	52
Дом вздрагивал, вполголоса...	53
Скомкаю лист — невеселая проза...	54
Письмо	55
Сварщик	56
Другу	57
Петропалыч	58
Поезд	60
Одуванчики	62
Наш лесокмбинат	63
Толкнулись в осеннюю темь...	64
Сон на закате	65
Молчаливо выдержишь...	67
Слова, слова...	68
Не успеем, не осилим...	69
Туман стоял как на века...	70
В машине	72
Ночь леденеет в испуге...	73
Соломенную сушь срезал...	74
Двустволка за плечом...	75
Вошел как по ступеням...	76
Как много во мне человеческих путей...	77
Корчевали таежные дебри...	78
Случай	79
Тишина	80

Слоистой дымкой провода...	81
Сама бежала под колеса...	82
Сеновал	83
Раскатисты и пышны...	84
После	85
Отец	86
После оттепели долгой...	87
К матери	88
Засвистела поземка...	89
Поземка снег на взлобье...	91
Покуда птичий гам...	92
Половодье	93
Что с тобой?	95
Отпечаток пальца — срез...	96
В зеленой картофельной грядке...	97
Реже хвойный подшерсток...	98
Откровенье	99
Как волнуется тополь!	100
Художник	101
Шофер остановится резко...	103
Листья у лица...	104
Уйдет злополучный двойник...	105
Зеленые выплески листьев...	106
Поезд на Север	107
От ледостава до ледохода	109
Болото	110
Листья для последнего помола...	111
Карликовые березы	112
Закат добавил меди...	113
Озеро дымчато	114
Этой женщине за сорок...	115
Упругие потемки...	117
На отмели малька дочь зачерпнула...	118

Голос	119
Девяностые	120
Я потерял тебя	121
Встретимся в августе...	122
Сидят над нами хваты...	123
И верно, всему есть предел...	124
Вождь	125
В столичной толкотне...	126
Москва	127
Свернул за угол в белый сполох...	128
Ранняя весна	129
Зной, разорванный составом...	130
Волнение	131
Отпуск	132
Одинокое дерево в поле...	133
Издавека торопились...	134
Огородник	135
Гадюка — пружина в ажурном чулке...	136
Пусть школа без меня зубрит свои уроки...	137
Юность	138
Яблоня	139
Вербя	140
Вечер	141
Ель	142
Аллергия	143
Втянул по суставам себя...	144
Еще	145
Человеку с топором...	147
И осени огромный лист...	148
Капель оборвалась...	149
Март в обертке целлофановой...	151
Мохнатой гусеницей снег...	153
Оттепель	154
За дождями следом...	155

Благодатным сияньем утешен...	156
Голубовато мрачен снег...	157
Дождь ощупывал темноту...	159
Брат	160
Отведу рукою ветку...	162
Еще оглянись, чтобы наверняка...	163
Золотисто-зеленым сияньем...	164
Доля	165
А глаза твои — горести...	166
Война	167
Отвыкаю от зеркал...	168
Приходит успокоенность...	169
Встреча	170
Задебрена, задобрена тайга...	171
Не было денег, был запахом сыт...	172
Зима тепла и выпукла...	173
Бабушка	174
И наше облако дыханья...	175
Долго не сохнет осенняя грязь...	176
Размалеван октябрём...	177
Как просторно вылиняла явь...	178
Лесосека	179
Поселок был брошен, как камень...	180
Столетнее дерево вывернет бурей...	181
Медленные ветреные ночи...	182
Лисий след капли...	183
Беда	184
Долгой будет осень...	185
Кочан	186
За орехами	187
Газета по ветру шагала...	188
Осень на Севере	189
Сторож	191
Закаты подходят ко сну моему...	194

Весной на реке	195
Молочно-пунцовый березовый март...	196
Ты знаешь лучше всех...	197
Уже озвучен, зеленью...	198
Засыпаю под облаком...	199
Цветет картошка	200
В одиночестве желанном...	201
Слепит листва, приобретая...	202
Кому приятель, а кому — чужой...	203
Любовь к вину не обращал в вину...	204
Приют	205
Полнолуние	206
По асфальту листва расклеена...	207
Может когда-то прохожий...	208
В ночном баре	209
Горьким солнцем налитые стебли...	210
Он долго, мучительно долго...	211
Рваные тучи на синем...	212
На еловых лапах лес...	213
Лаковый брусничник пересыпан...	214
Несловоохотлива осень...	215
Старая бетонка	216
Желанное небо	217
Четыре осени	218
Идолы	221
На ветвистой стуже...	222
Пока от ватного тепла...	223
Совершенно весеннее	224
Подморозило. И хочется...	226
Там... ..	227
На реке Ух	228
Ошарашен теплом...	230
Как независимо и прямо...	231
Сыро, мрачно, тепло...	232

Нависла лиственная масса...	233
Хрен	234
Еще в затаенном своем...	235
Замолчишь без причины...	236
Осень проветрена досуха...	237
Между тремя и пятью...	239
Воспитание памятью	240
Белой ночью	242
Растет муравейник...	243
Голубичной ягодой лежало...	244
Приятель	246
Время, время...	247
Переломил газету пополам...	248
Нет у России друзей...	249
Тишина удерживала листья...	250
Мы настолько с тобою похожи...	251
Прости досадную промашку...	252
От пыли ромашки ослепли...	253
Сыроежки	254
Как только выдохнул хрипяще...	255
В полночь войлочно-сосновом...	256
Мне хватало с самого начала...	257
Видение Храма	259
Как столетие назад...	260
Мы свободны!	262
Оставил дом — углы для паутины...	263
Стихотворение	264
В декабре	266
Голова уже в реденькой дымке...	267
Жизнь прошла. И вырос бор...	268
Накрыло туманным теплом...	269
Ночь проездом	270
Сан. «Тараскуль»	271
Синица	272

В тумане	274
Поедем на озеро Щучье...	276
Дорога к тебе — электричка...	278
Желанье снега	280
Весенний день осени	282
Обь	283
Заря по горизонту...	284
Пропущенное слово	285
Чемашур	286
Пала вода, растерянно...	288
На озере в серебряном предзимье...	289
Когда не знаю, что творю...	290
Лесное утро	291
Пестрят осенние ковры...	293
Если ржавый гвоздь посеребрен...	294
Медленной улитки...	295
Яблоко детства	296
Шелестящего цвета стрекоз...	297
Пали дороги. Снега обросли...	298
С напором юного тепла...	299
Белый сон	301
Душа не спит, а волком воет...	303
Июнь и юность	304
Обнимешь люто-лунный...	305
Раздвинь травостойные дни...	306
Тополя ерошили под ливнем...	307
Отзвучат твои шаги...	308
В тополях, на ветру распятых...	309
Ушел побежденным...	310
Прошла зима, еще зима, еще и...	311
Зимой — мороз под сорок...	314
Леонид Быков. Судьбою — здесь	315

Весенний день осени

**Оригинал-макет и верстка Старкова М.П.
Компьютерный дизайн обложки Пидлужная Е.Г.
Корректор Калугина А.Е.**

**Подписано в печать 02.09.2008 г.
Формат 70х108/32. Бумага ВХИ.
Печать офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Тираж 1000 экз. Заказ №3111.**

**ООО «Рекламно-издательская фирма «КолеСо»
625007, г. Тюмень, ул. Мельникайте, 123а, стр. 3
тел. (3452) 41-99-82**

3507.

050592009

Государственная библиотека Югры

Владимир Волков

родился 22 февраля 1953 г. в п. Чур Удмуртской АССР. Окончил Шарьинский совхоз-техникум в Костромской области в 1972 году и Литературный институт им. А.М. Горького

в 1986 г. Стихи публиковались в еженедельнике "Литературная Россия", в журналах "Мир Севера", "Наш современник", "Странник", "Урал", "Югра" и многих других.

Автор сборников стихов "Сосновый дом" 1982 г., "Отцовский лес" 1986 г., "День начинается с ветра" 1991 г., "Встретимся в августе" 1994 г., "Солнце на подоконнике" 1998 г., "Осень на Севере" 1998 г., стихов и прозы "Окрыленный бездорожьем" 2001 г., "Одноединственное" 2005 г., Член Союза писателей России с 1988 г.

Лауреат премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа в области литературы в 2004 г. Лауреат Всероссийской премии им. Д.С. Мамина-Сибиряка 2007 г.